

The background of the cover is a digital illustration. It depicts a dark, hooded figure with long, flowing hair standing on a stone bridge in a snowy, wintry landscape. The figure is looking down at a glowing, swirling path of light that leads from the bridge into a dark, cavernous opening in the ground. The scene is surrounded by snow-covered trees and buildings in the background, with a soft, ethereal light filtering through the mist. The overall color palette is dominated by cool blues and purples, contrasted with the warm, glowing light of the path and the red and pink hues of the lower section.

Дарья Гущина

# Потерянные ДУШИ

18+



Семиречье



Семиречье

Дарья Гущина

# **Потерянные души**

«Автор»

2023



**Гущина Д.**

Потерянные души / Д. Гущина — «Автор», 2023 — (Семиречье)

Зима в Семиречье – морозное, сонное и тихое время... но лишь на первый взгляд. Огромный город таит множество секретов. Новые преступления перекликаются со старыми. Реки засыпают подо льдом, уходя из древних полузаполненных подвалов и обнажая страшные находки. В обычных домах обнаруживаются старинные шкатулки с ключами к опасным тайнам закрытых храмов. А по замёрзшему городу бродят, тревожа сыскников и колдунов, потерянные души тех, кто уже отчаялся обрести покой. Третья книга цикла «Семиречье».

© Гущина Д., 2023

© Автор, 2023

## Содержание

Дело 1: Тайна тени	5
Дело 2: Чужак	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

# Дарья Гущина

## Потерянные души

### Дело 1: Тайна тени

Семиречье дремало, закутавшись в пушистое снежное покрывало. Давно стемнело, и в столь поздний час по пустынным улицам бродил лишь снег. Он устилал покатые крыши, выбеливая цветную черепицу, и невесомо стучался в тёмные окна, укрывал широкие набережные белыми коврами и искрил в свете колдовских фонарей, укутывал сонные деревья и ложился на холодные лавки. И топтался на крылечках, крался по улочкам, цеплялся за широкие перила мостов и узкие карнизы. И, казалось, всех прогнал с улиц... или нет?

Нет, не всех.

Одинокая тень скользила по набережной, не оставляя следов и не поддаваясь колдовству снега – не позволяя ни укрыть себя, ни убаюкать. У тени была цель, и она достигла её очень быстро, добравшись до древнего мрачного здания на набережной Первого острова.

Длинное массивное строение с широким крыльцом стояло позади двух старых зданий в заснеженном парке – спрятанное за кованой оградой, опоясанное цепочками колдовских фонарей. Тень жадно закружила у здания, то подлетая до пятого этажа, то спускаясь к первому, заглядывая поочерёдно во все тёмные окна, но без толку. Как всегда, с отчаянием поняла тень. Её снова, в который раз, встречали лишь тьма, тишина и опустевшие кабинеты.

Однако на исходе времени, когда у тени оставалось не более получаса, она заметила слабый-слабый свет в торце здания – в окне полуподвала. Метнувшись к нему, тень присела и коснулась стекла. Нет, снова нет... Древнее колдовство опять не пустило её внутрь, и тогда она постучалась. Сначала робко, а потом заколотила что есть мочи.

За столом, заваленным папками и бумагами, кто-то спал. Тень видела лишь взъерошенную светловолосую голову и стучала-стучала-стучала... Но отозвался не человек. Полосатый котёнок вскочил на подоконник, внимательно посмотрел на тень, мазнул лапкой по стеклу и отчаянно замыкал. И дозволялся-таки.

Человек – молодой мужчина – поднял голову, выпрямился, протёр глаза и изумлённо уставился на котёнка. Точно его не должно тут быть. А после встал и подошёл к окну. Тень снова застучала по стеклу, а котёнок замыкал пуще прежнего. Мужчина всмотрелся в окно, но, к отчаянию тени, никого не увидел. Конечно, ведь для него – северного колдуна – там никого не было.

Однако колдун, не видя, всё-таки верил. Знал о том, что тени-невидимки существуют. И о том, что животные, в отличие от людей, видят чуть больше. Он внимательно посмотрел на котёнка, о чём-то тихо спросил и выслушал мяукающий ответ. Тень замерла: поймёт или нет?.. Мужчина кивнул, метнулся к столу, стянул со спинки стула тёмную зимнюю куртку и выскочил из комнаты. Тень собрала в кулак все свои силы. Он и здесь её не увидит. Но нужно дать знать, что ей нужна помощь. Очень.

Мужчина появился на улице быстро – всё такой же взъерошенный, в наспех наброшенной куртке, почти выбеленной снегом.

– Кто ты? – спросил он хрипло. – Где ты?

В его ладони свился водяной клубок, в ногах закрутились змеи чёрных ручейков – но как северное колдовство поможет тени?.. И получится ли у неё помочь самой себе?.. Тень вздохнула, подалась вперёд и крепко обняла колдуна. Тот сразу вздрогнул, будто что-то почувствовал.

– Так ты здесь? – повторил он тихо.

И всё – время тени кончилось. Невидимый поводок дёрнул её обратно, и она снежным ветром понеслась мимо тёмных зданий, даже не успев понять, ощутил ли колдун присутствие бесплотной невидимки. Поверил ли в неё – всё-таки. И сможет ли выручить. Или найти другого спасителя.

Однако сегодня ей впервые за долгое время повезло. Значит, надо постараться снова вырваться из плена – завтра.

\*\*\*

Матушка Шанэ проснулась привычно рано, но вставать ей не хотелось. В очаге потрескивали поленья, в ногах урчал кот, в комнате стоял сонный сумрак, а за окном лениво кружили крупные хлопья снега. И она позволила себе лениво понежиться под тёплым одеялом – и почти задремала...

В дверь тихо постучали.

Сев, матушка прислушалась. Стук повторился – по-прежнему тихий, но настойчивый.

– Иду, – она откинула одеяло и потянулась за халатом.

Если что-то и случилось, то нестрашное. Иначе стук был бы совсем другим.

За дверью обнаружилась служанка Йирэ.

– Утра доброго, матушка, извините, – в своей обычной манере протараторила Йирэ. – Я вас не разбудила? Я бы ни-ни, но там снаружи парень, который сыскной колдун. Уже час как ходит у чайной туда-сюда. Я и дверь открыла, и позвала, а он чего-то смущается.

Мьёл может, мысленно согласилась матушка Шанэ. Когда дело касалось сыскной работы, она не видела человека (и колдуна), более уверенного в себе и своих силах. А вот когда дело касалось, скажем, призраков – то есть неизвестного...

– Позови снова, – попросила матушка. – Скажи, я жду. И пусть наверх поднимается.

А сама поспешила переодеться, умыться и привести в порядок волосы. И даже чай успела заварить, когда в дверь снова стукнули – да, смущённо.

– Заходи, сынок! – крикнула матушка Шанэ, расставляя на столе чашки. – Разувайся и за стол! Замёрз поди!

– Да не очень, – отозвался Мьёл с порога и быстро добавил: – Вы извините, не хотел вас будить...

– Мы, старики, спим мало и встаём рано, – она улыбнулась. – В чём дело?

Колдун разулся, снял куртку и выдал как на духу:

– Сегодня ночью мой кот заметил на улице призрака. А когда я вышел из архива, этот призрак меня... обнял.

– Так-так, – матушка Шанэ налила в чашку чай. – Садись, сынок. Выпей чаю и выдохни. Мне нужны подробности.

Мьёл послушно сел за стол, в три глотка осушил чашку и рассказал.

Пользуясь отпуском начальника и полным отсутствием дел, он вспомнил о приглашении главы Колдовского ведомства и напросился в архив – добывать для Иххо утраченные знания о её странном островном даре. Архивы (как и бумажную работу вообще) колдун ненавидел всей душой и рад был бы заглядывать туда на час-другой, но и мастер Рьен в любой момент может вернуться, и глава Колдовского ведомства, зараза такая, допуск дал всего лишь на неделю. Видимо, чтобы сыскник не лез в чужие дела и разгребал только нужное. А нужного архивариусы натаскали столько, что оно на столе не помещалось. И всё такое для Иххо полезное...

– У меня всего три дня осталось, а папок навалом. Короче, разбирал я их, разбирал... и уснул. А проснулся оттого, что кот орёт. Я так и не понял, матушка, как Угорь пролез в архив, – всё ведомство защищено от речных протоков и прочего колдовства. А он как-то пролез. Я просыпаюсь, а он сидит на подоконнике, по стеклу скребёт и орёт.

– Ты никого не увидел, но в присутствии невидимки поверил? – матушка внимательно посмотрела на колдуна.

– После тех невест с проклятого моста как не поверить? – Мьёл поёжился. – Да и, знаете, ночью же снег валил. В общем, смотрю я в окно, а там... пустое место. Даже снега не было. В воздухе. Там, где мог бы стоять человек, снег... не падал. И не разлетался, и не ложился, и... не падал. Таял, что ли, на подлёте... Понимаете?

– Понимаю, – кивнула она, доливая в обе чашки чай. – И когда ты вышел на улицу, то увидел то же самое?

– Ну да, – колдун снова зябко повёл плечами, хотя на кухне было очень тепло. – А потом призрак обниматься полез. Ледяной, зараза... И я думаю, матушка, что это женщина. Мужик бы не полез. Да и ростом она мне вот так, – он провёл ребром ладони по своей ключице. – А вы знаете, почему его снег не касался?

– Нет, – расстроено призналась матушка Шанэ. – Но я узнаю. Обычно что снег, что дождь проходят сквозь дух как сквозь нечто несуществующее, если он не колдун и не умеет быть материальным. А если умеет, то всё как с человеком. Я узнаю, сынок. В моей семье работали с разными призраками. И такой наверняка встречался.

– А дальше что делаем? – уточнил Мьёл.

Матушка откинулась на спинку стула, мелкими глотками допила чай и решила:

– Спустись-ка в чайную и позавтракай, а я пока оденусь потеплей. А после прогуляемся. Сходим к Колдовскому ведомству. Осмотримся.

– Думаете что-то там найти? – заинтересовался колдун, вставая.

– Призраки – как люди, – она улыбнулась, – притягиваются к знаковым местам и тоже оставляют следы. Если дух пришёл к ведомству, значит, там служит нужный человек. Или дух при жизни служил там сам. Больше пока ничего не скажу. Поглядим, сынок, не оставил ли призрак подсказок.

\*\*\*

Зима в Семиречье была сырой и пронзительно ветреной в открытых местах. И как ни кутайся, а всё равно или сыростью проберёт, или продует. И сколько согревающих амулетов к одежде и обуви ни цепляй, а всё равно через час-другой в тепло захочется.

Матушка озябла ещё на реке, хотя до главного здания Колдовского ведомства ходу на лодке всего-то полчаса – на западную часть Первого острова. Но, несмотря на сырой морозец, она любила северные зимы. За снег, которого на Юге не увидишь. За светлые вечера и ночи. За удивительные зимние радуги. За увлекательные забавы людей – снежно-ледяные городки, коньки, горки. И за необыкновенно уютное тепло в домах, которое ценишь лишь тогда, когда сильно замёрз.

Колдовское ведомство владело шестью зданиями – тремя на набережной и тремя в глубине острова. И сейчас к ним уже вовсю тянулись чёрно-синие цепочки людей – колдуны выныривали из речных протоков в нескольких шагах от места работы, а обычные люди, закутанные по глаза, спешили со всех ног.

– Хорошо, народу много, – шепнула матушка Шанэ, то и дело поскальзываясь и крепко держась за локоть Мьёла. – Нас не заметят.

Хлопали двери. Звучали отрывочные приветствия. Хмурилось снежными тучами небо. Из булочных тянуло свежей выпечкой, а из чайных – мёдом и травами. И по-прежнему горели среди деревьев колдовские фонари, к которым слетались погреться взъерошенные пичуги.

Матушка с Мьёлом свернули с оживлённой улицы на узкую тропу к старому парку. Среди его заснеженных деревьев виднелись три массивных здания – два почти вплотную друг к другу, одно позади.

– Нам надо к дальнему, – сообщил колдун. – Архив там.

А спустя минут пятнадцать, когда они добрались до места, Мьёл указал на полуподвальное окно в торце:

– Вот тут.

Матушка Шанэ достала мешочек с песком и огляделась, но здесь людей не было, лишь из-за деревьев доносились обрывки приветственных утренних разговоров.

– Ищите, – прошептала она, выпуская помощников.

Серые псы тут же разбежались по парку, коты отправились изучать ведомственные стены и окна, а стервятники вспорхнули к крыше. Матушка же, аккуратно подобрав полы длинного пальто и платья, присела напротив окна.

– Есть тут что? – не вытерпел колдун.

Сам он осматривал здание архива несколько раз – и ночью, и под утро, – но не заметил ничего необычного.

– Есть, – прищурилась матушка. – Есть следы. И котёнка тоже. Оба метки оставили – как царапины на заиндевевшем стекле.

Она ухватила за протянутую руку Мьёла, встала, и колдун в очередной раз за это утро поёжился – матушкины глаза горели призрачным голубым огнём.

– И ещё есть, – прошептала она, невидяще глядя перед собой. – На всех окнах первого этажа. На дверях. Призрак много раз хотел войти, но не получалось. Потому что защита, сынок. Древнее здание – и древняя защита от призраков.

– Да ну? – Мьёл ухмыльнулся. – А ведомственные по всему Семиречью ищут дома с защитой от призраков, над стеной колдуна Ру бьются – а то, что у них под носом, не замечают. Ходят на работу каждый день – и не знают.

– А что на третьем этаже? – матушка Шанэ подняла голову. – Там на двух окнах больше всего меток.

– Кажется, отдел секретных разработок, – вспомнил колдун. – Но нас туда не пустят даже с открытым делом об убийстве и запросом от нашего главы. Я пока в архиве сидел, всякого наслушался. Там так всё секретно, что даже глава Колдовского ведомства не рискует без спроса приходить. На четвёртом этаже вроде опытные. А на пятом... не знаю.

– Да это и неважно, – матушка Шанэ тряхнула головой, и её глаза стали обычными, чёрными. И очень расстроенными. – Следов призрака нигде нет, только метки на окнах. Откуда он пришёл и куда делся, мои так и не учуяли. А пойдём-ка к крыльцу.

– Зачем? – насторожился Мьёл. – Внутрь вас не пустят. А если и впустят, то о тех, кто работал на третьем этаже, ничего не скажут. Имена сотрудников секретного отдела даже не все местные ведомственные знают.

– Жаль, – матушка поджала губы. – Тогда пока расходимся, сынок. До вечера. Во сколько призрак явился?

– Сразу после полуночи. Вроде ближе к часу.

– Я приду к девяти вечера, – решила матушка Шанэ. – Мы недавно прошли мимо булочной, а её держит моя землячка и давняя приятельница. Зайду к ней на чай и понаблюдаю за архивом через помощников. Думаю, успею досюда добежать. А ты, – она строго посмотрела на колдуна, – отправляйся-ка спать. Ночь может быть... интересной.

– И точно будет, – согласился Мьёл. – Если призрак вернётся.

– А он вернётся, сынок. Одна-две метки – случайность или знакомые лица. А вот десятки... Призрак очень хочет зачем-то сюда попасть. Знает о защите, бьётся, обманывается, но вновь и вновь рвётся внутрь. Каждая царапина – потраченные силы, за день-два столько не оставить. Он не одну луну пытается пробиться в ведомство. И он вернётся, – повторила матушка и попросила: – Проводи меня до лодки, пожалуйста, больно скользко сегодня. И обязательно поспи.

Но у колдуна появилось дело поважнее. В крайнем случае можно подремать вечером в архиве. А пока...

\*\*\*



– Служащие Колдовского ведомства? – переспросила Иххо, озадаченно посмотрев на Мьёла сверху вниз – со стремянки. – Пропавшие без вести или странно умершие? А в какой период?

– Не знаю, – честно ответил колдун. – В любой.

Иххо поставила на полку две последние папки, подровняла ряд и закрыла шкаф.

– Дел не должно быть много, – торопливо добавил Мьёл. – На колдунов редко покушаются. И они к нам редко обращаются – сами обычно ищут и находят. И казнят, бывает, тоже. Это против правил и законов, но ведомственным плевать. Мы с ними из-за этого чаще всего и грызёмся. Утопят ночью преступника – у нас нераскрытое дело, а они довольны. Правда, не должно быть. И у всех папок чёрная полоса на корешке.

– Видела одну недавно, – вспомнила Иххо, осторожно спускаясь вниз. – В отделе общих правонарушений. Нет, две. Найти? А зачем?

Колдун коротко объяснил и подытожил:

– Если матушка отловит призрака, а тот окажется бывшим сотрудником Колдовского ведомства, то к его главе надо идти во всеоружии. Иначе он нас сразу пошлёт – далеко и навсегда. Говорю же, не любят они с нами работать. Давай я у нас поищу, а ты в архиве общих правонарушений? Съят взял на себя Городской архив и газетные подшивки. Да, знаем мы пока мало, но для начала хватит. А после, надеюсь, матушка Шанэ поможет и добудет уточняющие сведения.

– В кражах тоже посмотрю, – пообещала Иххо. – Дела к тебе в кабинет принесу. Написать по итогам?

– Имена хотя бы, – кивнул Мьёл. – Ближе к полуночи.

Девушке очень хотелось узнать, что он накопал о даре островитян, но колдун сразу предупредил: всё, что найдёт, отдаст своему наставнику. Он и решит, что и в каком порядке рассказывать. И чему обучать. Иначе это как куски хватать вместо нормального обеда: и не поешь толком, и плохо будет – и мало чему научишься, и мало что поймёшь, и разочаруешься.

Однако Мьёл, сложив и убрав стремянку, обернулся и подмигнул:

– В архиве много интересного и полезного. Маловато, чтобы училище открыть, но самое важное поймёшь.

Иххо неловко улыбнулась:

– Спасибо.

– Ищем, – скомандовал колдун.

\*\*\*

Ровно за полчаса до полуночи матушка Шанэ сердечно распрощалась со своей подругой-булочницей и поспешила к зданию Колдовского ведомства. Из помощников, боясь испугнуть призрака, она выпустила лишь стервятников, и те зорко наблюдали обстановку с удобных карнизов. Матушка знала, что призрака пока нет, но всё же решила прийти пораньше.

Как оказалось, не зря.

Призрак появился сразу после полуночи – вынырнул из проулка между двумя первыми ведомственными зданиями и сразу же устремился к торцу третьего. Матушка Шанэ поотстала, поэтому сначала увидела призрака глазами помощников – и едва не споткнулась от удивления. Ибо прежде таких духов ей видеть не доводилось. Более того, ни о чём подобном она даже не слышала.

Вместо мерцающего призрака у окна в полуподвал находилась тень – почти обычная, но без «своего» человека, слишком далеко от колдовских фонарей, объёмная. И снег – лёгкий, пушистый, крупными хлопьями – действительно её не касался, лишь беспокойно мельтешил рядом, чётче обрисовывая контуры тени.

Матушка Шанэ осторожно достала из кармана пальто крохотную свечу и отправилась на встречу с тенью. А та поскреблась в окно, в отчаянии стукнула по стеклу, оглянулась и, заметив матушку, замерла.

– Я хочу помочь, – матушка откинула с головы капюшон, оставшись в пушистом платке. – Тот, кто вчера тебя заметил, позвал меня на помощь. Я – духовидец. И я тебя вижу. И не только я. Позволь подойти ближе.

Тень, помедлив, настороженно кивнула.

Матушка Шанэ приблизилась, но и в трёх шагах от себя увидела то же самое – тень. Не совсем, впрочем, обычную. Тени от людей всегда искажённые – то торс вытянут, то руки или ноги, то голова. У этой же не было ни искажений, ни преломлений. И вновь матушка отметила, что тень не плоская и «лежащая», а объёмная и «стоящая». Чёткий (и снова прав Мьёл) женский силуэт – невысокий рост, пушистая коса, длинное приталенное платье – словно живой, но затемнённый человек.

– Чтобы понять тебя лучше, мне надо зажечь свечу, – мягко предупредила матушка Шанэ. – Я – колдунья. И мой огонь, и мои свечи колдовские. Возможно, ты слышала обо мне – я матушка Шанэ, южанка, хозяйка чайной на Третьем острове.

Тень вдруг часто-часто закивала, и её хрупкие плечи расслабились. И матушка тоже внутренне расслабилась. Она всё ещё не понимала, что за странный призрак ей встретился, но с любым человеком проще работать, если он тебе верит.

Матушка Шанэ зажгла свечу, прошептала южное заклятие – и случился новый сюрприз. Свеча загорелась совершенно обычным огнём – никакого указующего цвета, никакого колдовства. Обычное свечное пламя. И если прежде матушка была готова признать в тени истощённого призрака, чьи силы выпил колдун, то теперь она вообще перестала что-либо понимать.

– Кто же ты? – поражённо спросила она.

Тень сникла.

– Ты мертва или жива?

Тень покачала головой и пожала плечами.

– И где ты находишься, конечно, тоже не знаешь? – матушка Шанэ пытливо всмотрелась в «призрака».

Тень снова пожала плечами.

– Но ты сюда приходишь... то есть ты здесь работала? – матушка собралась с мыслями и зашла с другой стороны.

Тень отчаянно закивала: да-да!

– Те два окна на третьем этаже, где больше всего царапин, – твой рабочий кабинет?

Тень снова закивала.

Матушка Шанэ грустно улыбнулась:

– Ты приходишь сюда за помощью или за ответами, а внутрь попасть не можешь? Почему только в это время? Только ночью, когда здесь обычно уже никого нет?

Тень вновь беспомощно пожала плечами.

– А можешь сказать, как давно приходишь? Луну, две, три? – продолжала матушка.

Тень огляделась, указала на снег и покачала головой. А после томным жестом прижала ладонь ко лбу и начала обмахиваться второй рукой.

– Жарко было? – догадалась матушка. – Всё началось летом?

Тень снова быстро-быстро закивала.

– В прошлом году?

Да.

Матушка задумчиво подняла голову, посмотрела на тёмные окна и медленно произнесла:

– Мои помощники – тоже призраки. Внутрь попасть не смогут. Но смогут поднять меня до третьего этажа. Как думаешь, стоит попытаться взлезть в твой кабинет через окно? Или чревато?

Тень испуганно замотала головой.

– И от людей тоже защита, конечно, – матушка огорчённо поджала губы. – Секретные разработки?

Тень кивнула.

– А имя своё ты помнишь?

Тень опустила на колени и начала писать, но со снегом при её прикосновении случилось странное – он растаял. Растёкся чёрной водой, обнажая каменные плиты. Тогда тень снова метнулась к окну, присела, но успела нацарапать на стекле лишь одну букву. И исчезла – точно ветер налетел, подхватил её и унёс. Стервятники Ясэ и Янэ рванули следом, но вернулись быстро и злые.

Тень исчезла. Испарилась, не оставив ни единого следа. И помощники так и не поняли, как и где именно она скрылась.

– Однако же кое-что у нас есть, – подбодрила матушка Шанэ и носком сапожка постучала в окно.

Мьёл прибежал быстро, на ходу застёгивая куртку.

– Ну что? – спросил встревоженно.

– Ты угадал, это женщина. Она работала здесь, на третьем этаже, в отделе секретных разработок. Прошлым летом с ней что-то случилось, а её имя начинается на букву «бэ», – рассказала матушка. – Дальше сами. Думается, в таком отделе молодые да ранние не работают, так?

– Так, – подтвердил колдун. – У нас только после сорока лет на тайный отбор в секретный отдел приглашают, и тут, скорее всего, так же. А какие именно окна? Покажите ещё раз. Зацепки хорошие, спасибо. А как она умерла, вы не поняли?

– Честно говоря, сынок, есть у меня подозрение, что она жива, – смущённо призналась матушка Шанэ. – Но это надобно уточнить. Я сегодня же отправлю к своим на Юг помощника. Он быстрее туда-сюда слетает. Мои должны знать.

– Разве живые могут приходить призраками? – удивился Мьёл.

– В том-то и дело, что это не призрак, – матушка набросила на голову капюшон. – Это тень. Я никогда таких не видела, даже истощённые призраки выглядят иначе. И свеча смолчала. И мои помощники след потеряли. Но – да, сынок, в некоторых случаях дух может покидать тело. Очень ненадолго – срок до часа. Но это только догадка.

– А что за случаи? – въедливо уточнил колдун. – Между жизнью и смертью?

– Чаще всего так. И больше путать ни тебя, не себя догадками не буду. Ждём ответа от моей семьи.

– И копаемся в архивах, – согласился колдун. – Если об исчезновении колдуньи заявляли, с такими приметами мы точно её найдём. Осталось придумать повод, чтобы вломиться к главе Колдовского ведомства, – он недовольно скривился. – О служащей из отдела секретных разработок говорить только с ним.

– Я ему напишу, – глаза матушки Шанэ недобро прищурились. – Сам тебя пригласит да с утра пораньше. Будьте готовы.

– Чем припугнёте? – Мьёл ухмыльнулся.

– Отделом секретных разработок, сынок, – матушка тоже усмехнулась. – У нас на свободе призрак, который очень много знает и много интересного может выболтать. Если, конечно, вовремя не решить его проблемы. Проводишь меня до лодки?

– Минуту, – колдун достал из кармана куртки письмо, и оно сразу же слабо засветилось. – Иххо пару часов назад прислала записку... и тут имени на букву «бэ» нет. Но она ещё ищет. Найдём.

– А сдюжите? – искоса глянула на него матушка Шанэ. – Без начальника-то?

– Конечно, – уверенно сказал Мьёл. – У Сьята тоже голова что надо. Погодите, я ему записку набросаю.

\*\*\*

– Иххо молодец, – Сьят вытянул из стопки папок нужную. – Она это дело всё-таки нашла.

Оставшись за главного, рыжий помощник Рьена с удобствами расположился за начальственным столом и, несмотря на за полночь, задержался на работе. И, как заметил Мьёл, успел не только стопку дел изучить, но и вздремнуть. Своей запиской он Сьята явно разбудил – тот едва успел умыться и заварить крепкий чай.

– Что за дело? – колдун снял куртку и плюхнулся в кресло.

– Колдунью зовут Бьюра, – Сьят открыл папку. – Летом прошлого года она таинственно исчезла.

– Пока всё в точку, – кивнул Мьёл.

– Ей пятьдесят три года, – начал основательно излагать рыжий. – Замужем, две взрослые дочки. В Колдовском ведомстве служит без малого тридцать семь лет. Как окончила училище в шестнадцать – так сразу и подала документы в Колдовское. На тот момент там служил её дядя, так что приняли Бьюру без проблем. Сначала, как водится, три года архива и следующая ступень обучения, потом – наставничество над новичками, а после пятидесяти лет – сразу отдел секретных разработок.

Колдун снова кивнул – и это тоже в точку.

– Про отдел, кстати, муж в конце концов сообщил. Колдуны или упирались, или не знали, – заметил Сьят и продолжил: – Тем летом Бьюра с семьёй на две луны уехала в отпуск. У ведомственных так: чем вреднее должность – тем больше отпуск. У мужа своя лавка, тоже мог себе позволить. А на следующий день после возвращения в Семиречье Бьюра пропала. Утром она вышла на работу, в обед собралась прогуляться по набережной и заглянуть в булочную или чайную. Последней её видела личная помощница – женщины разошлись в парке. С тех пор Бьюра точно испарилась.

– А поиск по крови? – нахмурился Мьёл.

– Ничего не дал, – качнул головой Сьят. – И ведомственные колдуны, и наши столкнулись с неожиданным – кровь молчала. Скажи-ка, кстати, это возможно?

– Если тело сразу уничтожить – да, – подтвердил колдун. – Способов, если тебе и это интересно, множество. Если Бьюру начали искать, скажем, только вечером или на следующий день... Да трёх часов хватит, чтобы тело до золы спалить. А нет крови – нет ответов, где тело. Прах – штука молчаливая и бесполезная.

– Её начали искать поздним вечером, – рыжий перевернул страницу. – Она всегда возвращалась домой вовремя или предупреждала, что задерживается. Очень ответственная особа. Дома она была обычно в семь. В восемь её муж написал дежурным в Колдовское ведомство, а там посмотрели журнал посещений и отметили, что она не возвращалась с обеда. И завертелось.

– Спалили тело, – Мьёл нахмурился. – Или она всё-таки жива. Если в водяной мешок спрятать – вроде того, в который я преступников пакую, – кровь тоже будет молчать.

– А сколько в нём можно прожить? – заинтересовался Сьят.

– Ну... – колдун задумался. – С луну, если воду пару раз в день обновлять. К ней добавляются «пузырями» молоко, соки, жидкие каши, чтобы кормить. Ну и отходы жизнедеятельности тоже вымываются. Человек и сыт, и чист, и спрятан. И новая вода обновляет воздух. Но после надо вынимать хоть на время. Мы в такие мешки опасных колдунов всегда пакуем –

которых даже в защищённых камерах оставлять опасно, взломать могут. Так вот: они в мешках с ума сходили. Замкнутое пространство, полусон-полуявь, нехватка нормальной еды, воздуха и движения – и ага. Тело тоже ослабевает без нагрузки, сердце дохнет, хроника обостряется. Человек может умереть в любой момент – внезапно и быстро.

– То есть если Бюра жива, её всё-таки выпускали?

– Воздействие – и всё, – Мьёл пожал плечами. – Чтобы не дёргалась. А если колдуны прекратили поиски – если похититель знал, что прекратили, – то спокойно мог выпускать её даже на несколько дней и держать под воздействием. А потом обратно в мешок на всякий случай.

– Значит, знал... – записал на отдельном листе Сьят. – А кроме мешков что-то есть?

– В смысле, чтобы кровь молчала? Для живого человека нет. Для трупа есть, но это вредные способы. И долгие – сутки-другие возни с телом. Из известного всё.

– А наша пропажа трудилась в отделе секретных разработок... – рыжий задумчиво погрыз кончик пера и начал быстро листать дело.

Мьёл посмотрел на него и зевнул в кулак. И снова. И опять.

– Иди спать, – Сьят поднял голову. – Нам завтра к мастеру Гьирibu прорываться и добывать сведения о работе Бюры – явно в ней всё дело. Соображать надо хорошо.

– А если не получится? – колдун встал. – Прорваться?

– Я нашему главному напишу – он точно ещё не спит. Пусть решает. Хотя я за то, чтобы мы сами закрыли дело. Тут решать-то нечего.

– Ты что, уже всё понял? – удивился Мьёл.

– Иди, – Сьят тонко улыбнулся. – Завтра всё узнаешь. И приведи себя в порядок. Мастер Рьен бы тебя в таком виде даже на порог не пустил.

Мьёл потёр небритый подбородок, расправил закатанные рукава мятой рубахи, в которой пробежал последние полтора суток, и упёрся:

– Ведомственные колдуны и сыскники две луны искали и копали, но ничего не нашли, а ты полчаса полистал дело и всё понял? В чём соль, друг?

– В том, что со стороны виднее. А ещё в чрезмерной уверенности и неверии, – спокойно ответил рыжий. – Скажи-ка как колдун: можно ли обмануть заклятье правды?

– Нет, – сразу заявил Мьёл. – Даже у самого простого – пятнадцать оттенков чёрного. И полуправду, и увёртки оно махом уловит и даст знать.

– А невидимость всё-таки существует?

– Да нет же. И ещё лет сто её точно не придумают. Будут обходиться воздействиями, подменами, актёрским гримом, заклятьями с морочными масками и прочим.

– А у тебя есть шанс раскрыть это дело. И мастер Рьен бы раскрыл, если бы родственники не к дежурному с заявлением обратились, а напрямую к нам. А так дело попало в общие правонарушения и к новой группе, да и колдуны эти гордые... – Сьят поморщился и придвинул к себе стопку чистых листов. – Спать иди. Завтра всё узнаешь. Я не буду разбрасываться обвинениями, пока не проверю данные и не уточню кое-что кое о ком.

– И у этого чуйка... – проворчал колдун. – Откуда вы такие берётесь...

\*\*\*

– Вот паскуда старая! – Мьёл хмуро прочитал письмо и взглянул на часы. – Нашёл же, как подгадить!

Письмо с приглашением для двоих сыскников пришло минуту назад. Часы показывали ровно десять, а глава Колдовского ведомства назначил встречу на десять пятнадцать.

– Ты не успеешь. Хотя... – колдун заинтересованно прищурился на Сьята. – Ты же рыжий, как островной. А давай проверим тебя протокой на скрытый дар?

– Да нет во мне никакого дара! – Сьят вжался в спинку стула: колдовства он побаивался. – Ни скрытого слабого, ни спящего! Точно говорю: нет! А рыжий я по прабабке, а прабабка была



коренной северянкой в энном поколении. И колдовского праха у нас в семье тоже нет. Как и сказок про страшные островные традиции.

– Ладно, живи, – ухмыльнулся Мьёл и снова взглянул на часы. – Тогда так: я сбегая к Улло, передам, чтобы он готовил лодку, и на встречу. Раз ты у нас голова, то я буду тянуть время. Давай свои бумажки.

Сьят быстро сгрёб со стола папку с делом Бьюры и свои заметки:

– Уточняй факты. Скажи, все старые дела – а это уже старое – по правилам положено проверять. Уточняй всё – данные о пропавшей, итоги поисков – прямо по тому, как в деле изложено. С самого начала. А там и я подойду.

Колдун накинул куртку и взял бумаги:

– Жду.

Он открыл протоку и уже через восемь минут, попутно заглянув к лодочникам, оказался у главного здания Колдовского ведомства. Быстро поднялся в приёмную, показал дежурному письмо и тут же отправил его почтой Сьяту. И явился к кабинету мастера Гьириба за три минуты до назначенного времени – даже дело в коридоре пролистать успел.

– Однако вы ко мне зачастили... – вместо приветствия сердито протянул из-за рабочего стола мастер Гьириб.

– Однако доброго утра, – Мьёл тоже был сердит и собран.

Он сел на стул напротив главы Колдовского ведомства и прямо спросил:

– Так вы хотите разобраться с исчезновением Бьюры или нет? И живой её увидеть? Если да – сотрудничайте, если нет – хорошо, мы уйдём. Но труп всё равно найдём, а жить с тем, что вы её не спасли, хотя могли, вам, – и лицемерно добавил: – Хотя когда вас это волновало...

– Не хами, – погрозил пальцем мастер Гьириб. – Я не твой начальник, парень, терпеть не буду. И сейчас ты сидишь на этом стуле, потому что прав. Да. Я очень хочу узнать, что случилось с моей лучшей сотрудницей и, кстати говоря, ученицей. И спасти её тоже хочу. Но где доказательства, что она жива?

– Ждём, – туманно ответил Мьёл, ничуть не сомневаясь в опыте матушки Шанэ, хотя подтверждения от неё пока не было.

– Но даже если доказательств нет... – глава ведомства тяжело откинулся на спинку стула. – Истина тоже важна. Как и найденное тело и могила. Спрашивай.

– Сначала проверим точность фактов, – колдун открыл папку. – Так положено.

Ради встречи мастер Гьириб явно отвлёкся от важных дел – он постоянно поглядывал на часы и отвечал быстро, сухо, лишь бы побыстрее перейти к сути. Мьёла повторный допрос тоже раздражал, как и всякая кабинетная работа. Он был честен не только с окружающими, но и с самим собой, и давно признал, что ему проще догнать и скрутить преступника, чем вычислить его по фактам – в этом направлении мозги у него работали не очень. Но раз сейчас обстоятельства сложились именно так...

Осторожный стук в дверь стал облегчением для обоих. Колдуны дружно выдохнули, и Мьёл сообщил:

– Это Сьят. Он замещает мастера Рьена... во всём.

– Не вовремя начальник-то ваш отчалил, не вовремя... – проворчал глава ведомства и повысил голос: – Заходите!

Мьёл едва не ляпнул, что они вообще-то больше десяти лет в сыском деле и на заднице в кабинете, перебирая бумажки, не сидят, но мудро прикусил язык. Не дело это – уважаемое начальство своим поведением позорить.

Сьят, оставив пальто на вешалке в коридоре, вошёл, вежливо поздоровался, представился и сел на второй стул.

– Продолжим, – сухо сказал мастер Гьириб. – Все связи Бьюры и мы, и сыскники проверили по несколько раз. Её семью – родителей, братьев и сестёр до десятого колена, её друзей

– до начальной школы и друзей её друзей, её приятелей и случайных знакомых. И, конечно, сослуживцев – всё Колдовское ведомство, от личной помощницы Бьюры до архивариусов и дежурных. После так же проверили связи мужа и детей – и семейные, и дружеские, и приятельские, и рабочие. А заодно и связи друзей-приятелей. Во всех проверках использовалось больше десяти разных заклятий правды, но так ничего и не выяснилось. Бьюра отправилась к набережной через парк в начале третьего часа дня и исчезла – вот и всё, что нам известно.

– На улице её тоже никто не видел? – осторожно вмешался Сьят.

– И мы, и вы проверили правдой всех работников булочных и чайных – как по пути на набережную, так и на пути к месту работы, – ответил глава Колдовского ведомства. – Лодочников, художников, мошенников и постоянных гуляк тоже всех не по разу опросили. Бьюру никто не видел. Она неведомым образом испарилась в парке посреди бела дня.

Сьят забрал у Мьёла дело, вытащил первый лист и положил его на стол:

– Пожалуйста, посмотрите, верен ли портрет пропавшей. Это она?

Глава глянул искоса и сердито уставился на сыскников:

– Если это шутка, молодые люди, то несмешная и неуместная. Это не Бьюра. Это её старшая дочь. Они в чём-то внешне похожи, но это не Бьюра. Откуда у вас этот портрет?

– Нарисован со слов личной помощницы, которая последней видела Бьюру живой и, как я понял, была её доверенным лицом, – спокойно сказал Сьят. – Полагаю, у ваших колдунов на руках был такой же портрет, и именно поэтому пропавшую никто не опознал. Она никуда не исчезала – её увели под воздействием. Просто заморочить головы тройке сыскников и пятёрке колдунов, внушив, что на портрете изображена именно Бьюра, проще, чем всем работникам закусочных и набережных. Кстати, муж и дети пострадавшей, по описаниям наших сыскников, во время следствия оказались странно невменяемыми – вроде как от горя. И никто не смог ни портрет Бьюры найти, ни описать толком её внешность. Да и вы тогда отсутствовали.

– Молодой человек, – мастер Гьириб посмотрел на рыжего как на несмышлёныша, – вы в колдовстве хоть немного понимаете?

– Я в другом понимаю, – невозмутимо отозвался Сьят. – Во-первых, сотрудников отдела секретных разработок наверняка мало кто знал в лицо. Наших, например, знают только главы трёх отделов, глава Сыскного ведомства и его ближайший помощник. И даже в архиве их дел с именами и портретами нет. То есть если Бьюру искали обычные колдуны, то они даже в действии не нуждались – слепо поверили помощнице. А во-вторых, это же отдел секретных разработок. Бьюра сообщала, что именно они разрабатывают? Рассказывала об идеях и начинаниях? Или докладывала лишь о готовности очередного заклятья или артефакта? Вы знали обо всём, над чем отдел работает?

Мастер Гьириб помрачнел, глянул на него исподлобья и признал:

– Нет. Обо всём – не знал. Бьюра докладывала лишь о заказах – о конкретных оплаченных заказах. Или о моих личных указаниях. Чем они занимались между делом, меня интересовало мало.

– То есть они могли придумать и то, что обманет заклятье правды, а вы об этом ни сном ни духом? – в лоб спросил Сьят.

Повисла тишина. Теперь уже оба колдуна уставились на рыжего со смесью изумления и недоумения.

– Это же вы рассказы в «Вестник Семиречья» пишете, да? – мастер Гьириб оперся о стол. – Что вы ещё нафантазировали?

– Это не фантазии, – рыжий тонко улыбнулся. – Всё возможно и всё существует, пока не доказано обратное. Если появился запёртый замок, значит, к нему есть ключ. И невидимость тоже вероятна, пока её пытаются придумать. И заклятье правды обойти можно. Когда придумали яды, то подобрали и противоядия, так? И к вашей правде наверняка есть «противоядие».

– Вы очевидно полагаете, что помощница Бьюры, Льеса, и есть похитительница? И она смогла всех обмануть? – после новой затяжной паузы сухо уточнил глава.

– Это была одна из версий, пока не оказалось, что портрет – подделка. Теперь я именно её и подозреваю, – кивнул Сьят. – Расскажите о Льесе. Всё, что знаете.

В этот момент на столе вспухла чёрная лужа с письмом.

– Это тебе, – мастер Гьириб протянул записку Мьёлу. – Или всё-таки нам.

Мьёл развернул записку и прочитал: «Матушка просила передать, что женщина жива, и это точно. Иххо».

– Матушка Шанэ уверена, что Бьюра жива, – сообщил он. – И лично я ей верю. А вы?

Глава ведомства кашлянул и быстро заговорил:

– Льесе шестьдесят один год. Одно время я думал её главой отдела поставить – она обязательная, исполнительная, обстоятельная, умная... Но вот творчества в ней маловато. Помощница – да, отличная: и Бьюра, и её предшественник Дыт всегда были Льесой довольны. Но выше должностью – нет. Живёт одна. Мужа похоронила несколько лет назад – он чем-то сильно болел. В то время она продала дом и переехала в комнатуху гостевого дома, чтобы устроить мужа в хорошую больницу, но лечение его не спасло. Детей нет. Насчёт родственников не знаю, но в деле читал, что она приютская. Коренная северянка и семиреченка. В Колдовском ведомстве работает с шестнадцати лет, как и большинство из нас. До секретных разработок занималась то зельями, то артефактами, но на самом деле документацией – сама мало что делала, зато отлично составляла описания и отчёты. Сейчас Льеса временно замещает Бьюру. Вот, пожалуй, и всё.

– То есть она лет десять сильно нуждалась в деньгах, а самый быстрый способ хорошо заработать – это продать на сторону секреты новинок, – хмыкнул Сьят. – Она же сама ничего нового не придумала, ничего себе ради премий и продвижения по службе не присвоила? Конечно, нет, это опасно, раз все знают, что в ней мало творчества. Кстати, помните убитого Эльяса из дела о пропавшей могиле и вашу опытную разработку в стене его дома? Которую придумали десять лет назад? В то время Льеса уже работала в отделе?

– Как раз год как пришла, – мрачно подтвердил мастер Гьириб. – И уж кого я точно не подозревал – больно исполнительна... Думаете, Бьюра узнала? Но ведь проще же убить, чем похитить.

– Извините, не соглашусь. Убить не так-то просто, – возразил Сьят. – Вот я, например, боюсь мертвецов – и я бы тоже похитил. Для начала. А дальше – по обстоятельствам. Или припрятал бы до побега, а после письмо с местоположением подбросил, или дальше бы использовал. Но сейчас гадать об этом бесполезно. Предлагаю сначала спасти Бьюру. А там и правду узнаем.

– Как? – скептически поднял брови глава. – Если она, по-вашему, умеет обходить заклатье правды? Пытать будете? Немолодую женщину?

– А я, кажется, понял, – вставил Мьёл. Во время беседы он сидел молча, уставившись в пол, а теперь его глаза горели вдохновением. – Я понял, как она обошла правду. И без попыток всё расскажет. Почти без.

Мастер Гьириб недоверчиво фыркнул, но обсуждать (и осуждать) это заявление не стал. Лишь спросил:

– От меня что потребуется?

– Портреты Бьюры и Льесы в ближайшее же время. И дальнейшее сотрудничество, – Сьят аккуратно сложил бумаги и встал. – У меня есть пара идей. Позже напишу. Но очень прошу вас пока не тревожить Льесу. Мы приходили из-за чего угодно, но не из-за неё, Бьюры или утечки секретов. Придумайте причину. Пустите слух. Даже посмейтесь над нами – например, из-за того, что теперь мы оба к вам в архив просимся: Мьёл – ещё на неделю, я – навсегда. Только не тревожьте Льесу.

– Понял, – кивнул мастер Гыриб. – Согласен. Жду. Всего доброго, молодые люди.

– Как ты понял, что портрет-то поддельный? – прошептал Мьёл, когда сыскники, откладываясь, покинули ведомство.

– А у нас уже было похожее дело – лет двадцать назад, – отозвался Сьят. – Оно и в архиве значится как «Дело невидимки». Только тогда мы искали девочку из приюта, которая ухитрилась подменить в личном деле свой портрет на выдуманный уличным художником и сбежать. А за полгода до побега она постоянно и всем подряд корчила такие рожи, что после никто не смог толком вспомнить, какое же у неё нормальное лицо. Эту «невидимку» год искали, но так и не нашли, а во взрослом возрасте она сама заглянула в приют и рассказала, как удрала. Мне об этом деле как-то приятель рассказал. И заодно я вспомнил про нашего южанина, который «чёрная невеста». Он был – невиданный случай! – невосприимчив к воздействию. Так почему же, подумал я, кое-кто не может быть невосприимчивым к правде?

\*\*\*

– Скажите, матушка, а как далеко дух может уйти от тела? – спросил Сьят.

Время близилось к обеду, но в чайной уже было полно замёрзших гостей, поэтому матушка Шанэ пригласила сыскников в тёплую беседку и сначала заставила обоих поесть. И лишь за чаем разрешила заговорить о делах.

– Недалеко, – ответила матушка, убирая со стола грязную посуду. – Расстояние зависит от того, как душа привязана к телу – ещё крепко или уже не очень. Чем слабее связи – тем дальше расстояние и больше времени дух может пребывать вне тела. Но время – это всегда час-полтора, а расстояние – недалеко. Я проверила все здания ведомства в парке – на всех трёх одинаковая защита. Мы такую называем «ни войти – ни выйти». Если бы не она, я бы сказала, что Бюра где-то там – где-то в одном из трёх зданий. Но с такой защитой она бы не вышла наружу. То есть её надо искать в крайних домах на ближайших к парку улочках.

– А там одни булочные да закусочные, и никто нас туда с обыском не пустит, – фыркнул Мьёл и недовольно зажевал медовый пряник.

– И живёт наша подозреваемая в гостевом доме на Десятом острове... Мы не будем рыскать по чайным, нет. Пойдём другим путём, – рыжий снова внимательно посмотрел на матушку: – Ваши помощники живых находить не умеют, так?

– Увы, – матушка Шанэ вытерла руки полотенцем и снова взялась за чайник.

– Но они ощущают так называемые вещи из могилы? – уточнил Сьят. – А конкретную вещь из могилы на конкретном живом человеке найдут?

– Ах ты, хитрюжка! – матушка одобрительно улыбнулась. – Найдут, сынок. А если это будет сильный амулет да с моим колдовством, то и под землёй отыщут, и под водой, и на любом расстоянии – хоть в границах Семиречья, хоть в соседних городках.

– Так что нам делать-то? – не понял Мьёл.

– Сначала подбросить Льесе вещь из могилы, – просто сказал рыжий. – А после попросить мастера Гыриба дать ей такое поручение, чтобы она побежала к своей начальнице. И всё. Я почти уверен, что Бюра жива лишь поэтому – она и её знания до сих пор нужны. Если бы Бюра просто узнала об утечке секретов – да, я соглашусь с мастером Гырибом, её проще быстро убить. Но она жива – заметьте, с конца лета. Значит, не всё наша преступница из Бюры вытянула. Значит, побежит к ней, если нужда заставит.

– За Бюрой кто-то должен ухаживать и присматривать, – хмуро заметил Мьёл и взял второй пряник. – Кормить, поить, мыть, здоровье проверять. Льеса, что ли, сама после работы проверяет? Или помощники есть? Хотя, наверное, сама. В таком деле слишком много людей – это опасно.

– Может, потому дух Бюры и вырывается на свободу лишь после полуночи, – добавила матушка Шанэ. – После проверки её погружают или в этот твой новый мешок, или просто в новый глубокий сон на сутки – до следующего вечера. И она ускользает.

Сьят мрачно посмотрел в полупустую чашку и нервно повёл плечами:

– Я бы не рисковал. Можно, конечно, понаблюдать пару дней, однако... Мы пришли в ведомство. Слухи просочились. Если Льеса беспокоится...

– А с поручением нет? – хмыкнул колдун.

– И с поручением – да, – огрызнулся рыжий. – Тоже встревожится. Или нет. Никогда не узнаешь, пока не проверишь. У тебя есть идея получше?

– Мальчики, не надо, – быстро вмешалась матушка Шанэ. – Не ссорьтесь. В любом случае за Льесой присмотрят мои помощники – спокойная она будет или заподозрит что-то. Надо всего лишь до вечера подбросить ей нужный амулет. А после, даже если мы не успеем, мои ребята защитят Бьюру.

– Ладно, – выдохнул Сьят. – Давайте к вещи. У вас есть такая, чтобы Льеса её обязательно взяла и надела?

– У меня есть такое заклятье, – улыбнулась матушка. – И это почти обычное воздействие, сынок. И амулет с мертвеца тоже подберу.

– Если вы любую сделаете нужной, то вот, – рыжий вытянул из нагрудного кармана безрукавки серебряную цепочку. – В отделе вещдоков попросил. Под расписку. Потом вернуть надо.

– Ты когда успел? – удивился Мьёл. – Я в прошлый раз мастера Хьита неделю уговаривал какую-то мелочь на час выдать!

– Я предусмотрительный, – скромно ответил Сьят. – Я его героем пары рассказов сделал, и с тех пор мы приятели. Сгодится?

Матушка Шанэ взяла цепочку и поморщилась:

– Какая старая... Смерти три видела, раз пять в могиле побывала и всегда подолгу под землёй... Чья она? Или это секрет?

– Конечно, нет. Это вещь убийцы, – объяснил рыжий. – И вы насчёт всего правы – и три смерти, и пять раз в могиле, и подолгу. А история такая. Одного парня в училище сильно дразнили. В какой-то момент он поехал крышей и решил убивать обидчиков, чтобы другим неповадно было. А цепочка принадлежала его бабушке – она говорила внуку, что вещь колдовская, но велела похоронить вместе с ней. Когда наш убийца собрался на дело, он про цепочку вспомнил, понадеялся на колдовскую помощь и выкопал её. Задушил жертву цепочкой. Снова закопал, чтобы бабушка в Мире вечных вод не гневалась. Через год снова выкопал и убил. И снова цепочку бабушке вернул. Через два года опять убил, хотя училище давно закончил, – злопамятный оказался. И опять цепочку в могилу.

– А-а-а, – протянул Мьёл, – вспомнил. Дохлый такой хмырь, безобидный с виду. Его года три назад казнили.

– Ага, – Сьят кивнул и продолжил: – Всего обидчиков было то ли шесть, то ли семь, но уже с четвёртым убийством не сложилось. Парень заподозрил неладное и аж до мастера Рьена от страха дошёл. Мастер ему поверил. Мы помогли с защитными амулетами и установили слежку. С поличным тогда не взяли, но вспугнули. А главное, парень выжил, немного рассмотрел убийцу и заметил цепочку. Убийца наш её снова к бабушке прикопал, но нервный был и шумел сильно. Смотритель кладбища его заметил, проверил с утра могилу и нашёл цепочку. А после прочитал мою статью в «Вестнике» – мастер Рьен велел написать, вдруг кто-то опознает. Смотритель тут же сообщил нам, и мы по бабушкиной могиле нашли внука.

– Он даже не упирался, – добавил колдун. – На допросе всё выложил, да ещё и с гордостью. Туда ему и дорога.

– Так сгодится вещь? – Сьят брезгливо посмотрел на цепочку.

– Вполне, – кивнула матушка Шанэ.

– А что ещё нужно? – поинтересовался Мьёл. – Нам уйти?



– Если есть слабина – мечта, душевная трагедия, страстное желание – заклятье крепче жертву схватит, – сказала матушка, вставая. – Оставайтесь, колдовство несложное. Только посуду со стола уберём. И голыми руками потом вещь не брать. Вам не навредит, но на Льесу может подействовать слабо.

Она достала из ящика буфета пару мешочков с песком.

– Она мужа потеряла, – сообщил Сьят и встал, чтобы помочь. – И детей никогда не было.

– Легко поймается, – матушка Шанэ подбросила на ладони цепочку, и та хищно сверкнула серебряными звеньями.

Когда со стола убрали всё, включая скатерть, матушка высыпала в центр песок из одного мешочка, что-то прошептала на южном, и песок замерцал. Она положила сверху цепочку, достала щепотку песка из второго мешочка, выдохнула заклятье и кинула песок на стол. Над цепочкой повисло пыльное облако, и матушка снова что-то зашептала. И с каждым её словом песок и металл цепочки сияли всё ярче.

Мьёл улучил момент, наклонился к Сьяту и прошептал:

– Без обид, друг, но ты не думал, что Льеса тоже под воздействием? Что она – лишь исполнитель?

– Думал, – еле слышно отозвался рыжий. – Однако она владеет уникальным колдовством и умеет обманывать правду. То есть она точно важное звено в цепи. Будем брать.

\*\*\*

На амулет Льеса попала сразу – Мьёл оставил цепочку на полу гостевого дома, в коридоре, в десяти шагах от комнаты колдуньи. И даже успел заметить по следящему артефакту, с какой жадностью Льеса схватила и сразу же надела украшение – матушкино воздействие оказалось убийственно сильным и точным.

После этого нужно было только ждать, а ждать пришлось почти неделю – вопреки предположению Мьёла, лично колдунья за похищенной начальницей не присматривала. Ровно в восемь утра Льеса покидала гостевой дом, ровно в полдесятого появлялась в Колдовском ведомстве, ровно в два часа дня шла на обед, причём всегда обедала в одной и той же чайной, ровно к трём возвращалась. И ровно в семь вечера она выходила из Колдовского ведомства, чтобы лодкой добраться до дома.

– Слабая, – заметил Мьёл быстро. – Протоки делать не умеет. А не ходит ими, потому что это дорогое удовольствие. Скорее всего, склянки с заклятьем им дают, но на всякий случай и не на каждый день. Даже час перехода протокой три дня делать. Не напасёшься.

Неизвестно, на что тратились деньги Льесы, но одевалась она скромно, её вещи были поношенными, а обувь старой. Мастер Гьириб заметил, что работает она до шести, а то и в пять как начальница уйти может, но она всегда ждала семи часов – чтобы бесплатно вернуться домой с ведомственным лодочником.

Всё это и не только сыскники, ни разу не попавшись Льесе на глаза, узнали через матушку и её помощников в первые же два дня слежки. Неизвестным оставался лишь один момент – где Бьюра. И в конце концов Сьят всё-таки написал мастеру Гьирибу, рассказал о проблеме и попросил осторожно расшевелить колдунью. То есть дать ей срочное поручение, с которым ни Льеса, ни её команда из секретных разработок быстро не справятся.

– Она всё время ходит на обед в одну и ту же чайную, – задумчиво произнёс на седьмой вечер наблюдений Сьят, разламывая ложечкой очередное воздушное пирожное.

– Мы тоже, и что? – возразил Мьёл, допив очередную чашку крепкого чая.

– А то, что сегодня с утра я в эту чайную всё-таки заглянул, – рыжий хмуро глянул на колдуна. – Знаешь, какие там цены? Дороже, чем у матушки, в два раза, хотя ничего особенного они не варят. Чай как чай. Еда как еда. А Льеса? Ты же её видел. Она не может купить себе новые зимние сапоги, зато ходит пить чай в самое дорогое на острове заведение? Где к тому же толком не поешь – там только чай и сладкое?

– Чайная ближе всего к зданию архива, – заметил колдун. – И из её окон красивый вид. Хотя ты прав, да. Это чайная не на каждый день. Я бы в такую раза два-три в луну ходил, не больше, и то если бы там что-нибудь выдающееся варилось.

– А Льеса ходит каждый день, кроме выходных... – Съят на нервах быстро прикончил пирожное и спросил: – А её можно незаметно проверить? Чайную?

– Нет, – мотнул головой Мьёл, – у них же всё в защите – и от проток, и от воров. Хотя... – он взял чайник. – Можно попросить матушку и её помощников спереть из этой чайной что-нибудь важное. А у меня есть хороший приятель в отделе краж. Вот такой обыск, как при поисках воров, возможен. Но это если цепочка не сломается.

– Я волнуюсь, – признался рыжий. – Очень хочу найти Бьюру живой.

– Все хотят, – колдун слил в чашку остатки чая. – Съешь ещё пирожное и уймись. Не дёргайся, этим ты никому не поможешь, – и сурово подытожил: – В полях тебе почаще работать надо. А то сидишь вечно то в рассказах, то в архивах, то в отчётах.

Съят вздохнул, признавая его правоту, и придвинул к себе третью тарелку с пирожным. Телосложение рыжий имел пожизненно худощавое, поэтому поглощал сладкое в неприличных количествах без ущерба для себя. Однако едва он взялся за ложечку, как закрытая дверь кондитерской приоткрылась, словно от порыва ветра. Гости кондитерской – почти все столики были заняты – удивлённо зашумели.

Сыскники встревоженно переглянулись и выскочили из-за стола, потянувшись за верхней одеждой. Мьёл быстро бросил в вазочку деньги и сразу же почувствовал, как некто невидимый прихватил его за штанину. Он наклонился и прошептал:

– Пришла?..

За штанину утвердительно дёрнули.

– Нам надо попасть туда без неё, – Съят тоже наклонился, поднимая упавший шарф. – Льеса должна уйти. Жизнь и свобода Бьюры прежде всего. Тайный ход есть?

Шарф в его руках утвердительно кивнул.

– Идём, – рыжий быстро накинул пальто.

\*\*\*

Подозрение Съята касательно чайной подтвердилось через полчаса, когда сыскники, пройдя по заснеженной набережной мимо трёх зданий Колдовского ведомства, свернули на улицу к парку.

По левую сторону от них петляла узкая тропинка, мерцали мрачно-зелёным парковые фонари и чернели деревья, а за ними горели редкие окна ведомственных зданий. По правую – сияли приветливыми вывесками и золотистыми светильниками булочная, продуктовая лавка и та самая чайная. Между ними темнели кусты и вились тропки, а позади белели крыши жилых домов. И призрачный помощник уверенно потянул Мьёла на задний двор чайной.

– Она всегда была так близко... – с досадой пробормотал Съят.

Помощник стащил с шеи колдуна шарф и нетерпеливо ткнулся в стену – туда, где ничего, казалось бы, не было – ни двери, ни заметных щелей. Мьёл обтянул руки водяными перчатками, проверил стену, тоже ничего не обнаружил и присел на снег.

– Отойди-ка подальше, – скомандовал он. – Оба отойдите. Шагов на двадцать.

И снег вскипел чёрной водой. Колдун не жалел сил, и новая вода всё прибывала и прибывала. Бурлила, лопалась пузырями и ныряла под землю – и искала-искала-искала... Задний двор – кусты, невысокую изгородь без калитки, коробки с мусором, стремительно тающие сугробы – и самого Мьёла затянуло густым туманом. Резко запахло рекой.

– Утоплю, только попадись, зараза изворотливая... – зло сплюнул колдун. – Чего придумала...

Он добавил ещё воды, и через минуту ручьи хлынули из появившихся на стене чайной щелей. И расплавили часть стены, обнажив проход, в котором мгновенно вспыхнули тусклым золотом колдовские светильники.

Мьёл втянул в себя всю воду вместе с туманом, осторожно встал, вытер рукавом куртки мокрое лицо и явно удивился, заметив кровь. Так тратиться ему давно не приходилось. Он повернулся и махнул рукой: пошли, мол. Первым в проход сразу устремился призрачный помощник, а Сьят боязливо последовал за ним.

– А что это было? – поинтересовался рыжий.

– Не знаю, – снова сплюнул колдун и запрокинул голову, прихватывая кровоточащий нос. – Не понял. Какая-то защита. Еле взломал. Потом подумаю.

Сьят, отвернувшись, достал из кармана пальто скрученный валиком и пахнувший травами платок:

– Держи. Кровь быстро останавливает.

В проходе появился шарф и замельтешил, явно подзывая. А следом за ним из чёрной лужи вынырнул полосатый котёнок и отчаянно запищал.

– Да как ты пролазишь-то везде? – Мьёл с ворчанием наклонился, подобрал Угря и сунул его в карман куртки.

Котёнок сердито вякнул и испарился – улизнул протокой. Чтобы через минуту обнаружиться (рядом с висящим в воздухе шарфом) внутри чайной, у единственной и помятой двери в широкой прихожей. Из крупных щелей сочился тёплый золотой свет.

Сьят огляделся и с уважением посмотрел на колдуна. Стены чайной, как и дверь, напоминали подтаявшие свечи – искажённые, бугристые, в наростах застывшей чёрной воды.

– Гостей ждать? – спросил он серьёзно. – На твоё колдовство сбегутся?

– Понятия не имею. Мелкий, брысь! – Мьёл без труда выбил покосившуюся дверь. – Придут – огребут. Я злой.

Призрачный помощник снова закивал и на секунду показался – взъерошенным и готовым подражаться пустынным котом.

А за дверью находилась самая обычная жилая комната с самой же обычной жилой обстановкой – буфет и чайный столик с нетронутой едой в одном углу, кровать в другом, платяной и книжный шкафы, тёмный ковёр на полу. А посреди комнаты за огромным рабочим столом сидела Бюра и иступлённо писала. Очень бледная, худая, с мутными серыми глазами, она не обратила ни на сыскников, ни на призрачного помощника, ни на запрыгнувшего на стол котёнка ни малейшего внимания.

– Ничего не трогаем, – предупредил Мьёл. – Пиши мастеру Гьирибу, пусть приходит и разбирается. Здесь точно полно тайников, но они принадлежат ведомственным. Разве что...

Котёнок требовательно вякнул. Колдун посмотрел на свою руку, вспухшую каплями воды, и встревожился.

– Разве что Бюру снова спасём, – закончил он. – Это заклятье жрёт её силы.

Мьёл встал позади замороченной женщины, потёр руки, плеснул водой, и над головой Бюры распустился чёрный цветок. Поток воды сначала окатил её с головы до ног, а после впитался в лепестки. Вода разрушила, размыва и забрала колдовство, и женщина выронила перо.

Она попыталась отодвинуться от стола, увидела котёнка и прошептала:

– Это ты... Ты позвал на помощь...

Угорь распушился и гордо заурчал. А Бюра с трудом повернулась и улыбнулась:

– И снова ты...

Колдун присел рядом с ней на корточки и тихо спросил:

– Льеса?..

– Опоила меня чем-то, – кивнула Бьюра. – И здесь заперла. Сначала предложила, чтобы я сама, чтобы добровольно... И тогда выпустить обещала, в семью вернуть. А я отказалась. А стены здесь – как водяной мешок. Вся эта комната – водяной мешок. И вот... Как тебя зовут? – и смущённо: – Можно тебя обнять?..

\*\*\*

– Это не я... Я не хотела... – плакала в допросной Льеса – высокая, худощавая и голубоглазая женщина с копной серебристо-седых волос. – Меня заставили... Я их не знаю... Муж умирал, мне нужны были деньги – много-много денег... Я одна, у меня больше никого нет... Они сами меня нашли... И предложили – много-много предложили... Я ворую разработки... нет, даже случайные идеи... А они тайник в парке обустроили. Я туда папки, а они – деньги. Я бы ни за что, но муж... У меня больше никого нет...

Она жаловалась очень искренне и выглядела по-настоящему несчастной. Настолько, что Сьят и мастер Гьириб то и дело переглядывались, а потом косились на Мьёла, который обещал подобрать ключи к обману. Колдун же сидел поодаль и смотрел на свой кулак, вспухший чёрными каплями. И в ответ на вопросительные взгляды лишь кивал: продолжайте, мол.

– Бьюру ты похитила? – сурово спросил Сьят.

– Нет-нет, мастер, нет... – залепетала колдунья. – Я только вместе с ней из ведомства на обед вышла... Я ничего не знала, это не я...

Водяной клубок заклатья правды по-прежнему сиял снежной белизной, подтверждая правоту Льесы.

– И ничего важного я не продавала, клянусь! – горячо продолжала она. – Так, по мелочи... редко... После смерти мужа долгов много осталось, я хотела рассчитаться, а потом сдать вам. И их всех сдать. Не хочу на крючке всю жизнь! Нет, ма... – и вдруг запнулась.

На её лице заблестел пот. Льеса резко сгорбилась, пряча под столом руки, и тяжело задыхалась, сглатывая. А Мьёл посмотрел на свой кулак в каплях воды и ухмыльнулся.

– Я не... – снова начала колдунья, но недоговорила: закатила глаза и сползла по спинке стула. В обморок.

– Левая рука, – отметил Мьёл. – Проверьте, там или амулет, или знаки.

– Амулет! – удивлённо пробормотал мастер Гьириб. – И не просто амулет. Он под кожей. Сейчас достану. Молодец, парень.

Сьят позеленел и отвернулся, а Мьёл, наоборот, встал и подошёл к старому мастеру. На руке колдуньи, от запястья до локтя, полыхал ожог, под которым проступало что-то выпуклое. И сознание она потеряла явно от боли.

– Если вы умеете быстро лечить, то давайте я достану, а вы исцелите, – предложил Мьёл.

Сьят зажмурился и зажал уши, но колдуны всё сделали тихо и быстро (заодно и цепочку из вещдоков забрав). И уже через минуту на руке Льесы не было ни следа травмы или крови, а через пять минут она пришла в себя.

– Простите... – пролепетала она, подняв голову и часто-часто заморгав. – Мне что-то... нехорошо стало. Можно воды?

Сьят подвинул к ней стакан с водой и снова строго спросил:

– Так кто и зачем похитил Бьюру?

– Я не зна... – затянула старую песню колдунья и осеклась: белый шар правды почернел и зачал.

– Не ищи, – мастер Гьириб положил на стол амулет – очень тонкий, гибкий, изрезанный знаками. – Он у нас. Человеческая кожа. Взятая у сильного старого колдуна. Обработанная кровью ещё минимум пяти мощных колдунов. Древний и давно утраченный ритуал. Я читал о нём, даже когда-то восстановить хотел, когда был молодым и глупым. Но не решился. А чтобы не совращало знание, заставил себя забыть о нём – да так крепко, что и сейчас не сразу вспомнил. Парень, ты тоже о нём слышал?

– Наставник рассказывал, – кивнул Мьёл, возвращаясь на свой стул. – Но он знал больше вас и сказал, что когда вранья слишком много, оно жжётся. А если ему придать направление, враньё укажет на источник защиты. Немного правок в заклатье правды – и всё.

Льеса сразу сбросила маску несчастной – её глаза потемнели, лицо свело судорогой, рот оскалился.

– Да пошли вы... – прохрипела она.

Мастер Гьириб молча встал, бросил ей в лицо пригоршню воды и велел:

– Говори правду. С чего всё началось?

– Мой муж в молодости был контрабандистом, – послушно заговорила колдунья. – Он долго это скрывал, но я узнала. Сначала думала, он любовницу завёл, а оказалось, тёмные делишки проворачивает. Я тогда сказала, что не против лишних денег в доме, но попросила не рисковать. А он... Это не болезнь была, это проклятье. Он перевозил какую-то древнюю вещь и подцепил проклятье. Болями мучился – чуть с ума не сошёл. У меня к тому времени тоже завелись нужные связи, и я обратилась к знающей Чудье. И она так сказала: или к лекарям, но тогда признаться во всём придётся, а в тюрьме муж год-два проживёт, или в закрытый храм с лечебницей за Семиречьем, но всё равно лет на пять-семь. Там и боли унимают, и вопросов не задают. Но и денег берут много. Очень много.

Она сглотнула и сипло продолжила:

– Мне его дружки уже давно намекали – почему бы, мол, что-нибудь интересное не продать из ведомственных тайн? Это они держат чайную – давно держат. Мне предложили часть секрета, чтобы обмануть заклатье правды, и деньги в обмен на новые разработки. И я согласилась. Почти полгода я восстанавливала ритуал обмана и искала на кладбищах подходящих мертвецов, но оно того стоило. Браслет – всё равно что мёртвый, причём очень сильный мёртвый колдун, сильнее меня. Поэтому заклатье не чувствует живого, лишь мёртвого во мне, а мёртвые не лгут, молчат – потому что их *нет*. И меня для заклатья правды *не было*. Но я всё равно старалась быть осторожной. За десять лет меня никто ни в чём не заподозрил. Я действительно не брала ничего важного и опасного, лишь мелочь. Муж прожил семь лет и умер, а я... Решила, что ещё немного, и всё. Рассчитаться с дружками мужа, скопить денег, попросить о переводе в другое ведомство – и уехать. Подальше. Но тут из отпуска, не предупредив меня, вернулась Бьюра – почти на неделю раньше срока. Она заметила. Надо было срочно что-то делать.

– Над чем она всё это время работала? – спросил Мьёл. – Взаперти?

– Над забвением-подменой. Я не хотела её убивать. Лишь хотела, чтобы она забыла – о похищении и обо мне. Подмена помогает не просто забыть нужное, но и заместить реальность выдуманными воспоминаниями. Я бы получила последние деньги, потребовала выкуп, чтобы сбить всех со следа, и уехала. А мужу Бьюры отправила бы записку, где искать жену. И она ничего бы не вспомнила – и никто никаких следов колдовского вмешательства на ней бы не нашёл, – и Льеса зло выдохнула: – Убить её надо было. И тело уничтожить. И концы в воду. А я пожалела – её детей, мужа. Нельзя лишать людей любимых, говорила я себе – сама же потерявшая. А оно вон как вышло – против меня обернулось...

И, поборов остатки воздействия, колдунья отрывисто спросила:

– Кто меня сдал? Как вы всё узнали?

Сьят открыл папку, достал два листа с вопросами – один со своими, второй глава Колдовского ведомства набросал – и невозмутимо ответил:

– Дух Бьюры. Она научилась покидать тело и нашла того, кто её увидит и поймёт. А теперь слушайте внимательно. Пока что вам грозит пожизненная каторга, но ввиду вашего преклонного возраста, раскаяния и сотрудничества со следствием – включая, конечно, обязательные имена всех «дружков» и прочих помощников, – есть шанс заменить её на пожизнен-



ную службу в закрытом храме Семи рек. Если согласны, отвечайте на все вопросы – внятно и развёрнуто. Если нет...

– Согласна! – торопливо перебила Льеса.

– Тогда начнём.

А мастер Гьириб придвинулся к Мьёлу и прошептал:

– Не хочешь ко мне? В отдел секретных разработок?

– Увы вам, – ухмыльнулся молодой колдун. – Даже не мечтайте.

– Почему? – прищурился глава Колдовского ведомства.

– У меня голова без ног не работает, – Мьёл пожал плечами. – Сяду в кабинете на задницу – ничего не придумаю.

– Это поправимо, – заметил мастер Гьириб.

– Но это и не главное, – молодой колдун посмотрел сначала на Сьята, потом на Льесу и скривился: – У вас клоака, мастер. А у нас – семья. У нас принято прикрывать, а у вас – подставлять. Я всякого в вашем архиве наслушался. Нет уж. Не пойду.

– Но ты запомни, – глава улыбнулся. – Жизнь непредсказуема, а сыскная особенно. Никогда ведь не знаешь, что случится завтра.

Мьёл согласно кивнул. Они-то со Сьятом думали, что уедет мастер Рьен, уснёт зимний город, и из развлечений останутся склянки, рассказы да старые архивные дела. А оно вон как вышло.

И то ли ещё будет...

## Дело 2: Чужак

– Тут точно живёт призрак, – убеждённо заявила Иххо, собирая разбросанные по столам зелёные и жёлтые папки. – Вот увидишь, я докажу. Вернётся мастер Рьен, я попрошу у него допуск в архив для матушки Шанэ, и она этого призрака отловит. Думаю, он давно тут живёт. И пакостит тоже.

– С чего ты взяла? – проворчал Мьёл, с трудом удерживая большую, битком набитую папками коробку.

Он спустился в архив от скуки, собираясь найти и полистать какое-нибудь интересное старое дело, услышал сердитый голос Иххо, догнал её и незаметно для себя оказался не только в слушателях, но и в помощниках.

– О, доказательств много, – девушка сложила в его коробку ещё несколько папок. – Меня не было на работе три дня. Всего лишь. Перед уходом я навела порядок и вернула все папки на свои места. Так откуда у нас сейчас столько посторонних дел? Я понимаю, что многие идут сюда почитать отчёты Сьята, но почему они едва ли не поголовно тащат с собой свои дела и потом забывают их забрать? Три дня! А сколько натаскали? И, поверь, мы собрали едва ли четверть.

Иххо снова зорко оглядела комнату, взяла свою коробку поменьше и первой вышла в коридор.

– И это всё? – Мьёл последовал за ней.

– Вообще-то сначала меня насторожило то, как мастер Рьен нашёл дело Киizzo, – призналась девушка. – Он объяснил, что папку обнаружил кот. Животные-колдуны – да, оказывается есть у нас на Севере такое чудо, – но как котёнок, которому три луны от роду, так быстро научился читать и изучил весь архив? Ты логически подумай. Как?

Колдун подумал и не нашёлся с ответом.

– А я тебе скажу, как, – вдохновлённо продолжала Иххо. – Он заметил призрака, который отлично знает архив и которого не может видеть мастер Рьен. Именно призрак и подсказывал коту, где искать. Поэтому они так быстро нашли нужные папки, а среди них и дело Киizzo.

– Выходит, документы по делу Бьюры ты нашла примерно так же? – Мьёл посмотрел на неё с любопытством.

– Почти, – девушка свернула в следующую комнату и поставила коробку на стол. – Она лежала в коридоре отдела общих правонарушений на самом видном месте – на полу.

Колдун тоже поставил свою коробку на стол и задумчиво кивнул: да, что-то в этом есть... Потом оценивающе посмотрел на стремительно растущую в руках Иххо стопку и добавил своей коробке водяных «стен» – для высоты и вместительности.

– Есть и ещё один момент, – девушка повернулась и положила на стол новые папки. – Потом покажу. Попозже. Когда дойдём.

– Вообще-то допуск матушке не нужен, – заметил Мьёл, сгребая найденные дела. – Она в ведомстве давно свой человек.

– Нужен, – строго глянула из-под косой рыжей чёлки Иххо. – Раз тут такой порядок.

Колдун хмыкнул, но смолчал. Нравится человеку жить по правилам – ну и пусть живёт.

Девушка захлопала дверцами шкафов, проверяя, но жёлто-зелёные «гости» чаще всего находились на столах и стульях – в комнатах, в нишах коридора, где под светильниками были обустроены рабочие места.

– Давай ещё в пару комнат зайдём, – решила Иххо. – А потом сразу в правонарушения.

Мьёл прикинул, что они действительно обработали едва ли четверть помещений, посмотрел на коробки и прямо спросил:

– Дальше помогать?

– Если ты не занят, – неловко улыбнулась Иххо.

– Пятый день без дела, – колдун поднял свою коробку. – А мастер Гьириб объяснил, что это не он такой вредный – разрешение в архив Колдовского ведомства выдавать всего на неделю. Это один из старых архивариусов лет двести назад заметил, что его помощники посторонних водят – они так на знаниях зарабатывали. И наложил заклятье: неделю посторонний просвещается, а после вместо записей видит пустые листы. И разрешение выдаётся всего раз в сезон. Теперь туда только весной. Но наставник сказал, вам пока хватит, – он первым вышел из комнаты и сразу сменил тему: – Кстати, а ты местного призрака не ощущаешь? Мёртвую невесту-то почуяла.

– В ней было много силы, – Иххо взяла свою коробку и последовала за ним. – Я, видимо, только призраков-колдунов чувствую. Или он просто хорошо прячется. Архив огромный, а я ощущаю призрака шагах в двадцати от себя, не больше.

Так, обсуждая то одно, то другое, они почти добрались до отдела общих правонарушений. За две комнаты до него девушка опустила коробку на пол, нырнула в рабочую нишу и вернулась оттуда с ярко-зелёной папкой.

– Вот, – показала Иххо. – Вот эту папку я нахожу уже несколько недель и всегда только здесь. Я как-то из интереса проследила – она появляется в этой нише каждый день. Понимаешь? Каждый день. В одном и том же месте. Зачем?

На светло-зелёной папке чернел только номер.

– Что за дело? – прищурился Мьёл.

– Ограбление какого-то особняка, – девушка пожалала плечами. – Давно случилось – лет тридцать назад. Обошлось без жертв – хозяева и слуги тогда отсутствовали. А грабителей так и не поймали. Вернее... Тогда был Первый день зимы, народу гуляло много. Соседи вспомнили, что видели одну компанию, которая мимо особняка проходила, – они шумели, ссорились, обзывались. Кого-то из них потом нашли, допросили, но отпустили за неимением доказательств. А самое интересное, что в том доме ничего вроде бы не пропало. Деньги, ценности – всё на месте, зато вещи вверх дном. Что именно у них искали, хозяева или не знали, или постеснялись сказать. Дело давно закрыто, да и времени прошло порядочно. Какой смысл тащить папку сюда?

– Никакого, – согласился колдун. Повёл плечами, удобнее перехватил тяжёлую коробку и попросил: – А можешь выписку сделать? Нужны дата ограбления, место, все имена-фамилии – свидетелей, потерпевших, сыскников.

– Зачем? – удивилась Иххо.

– У меня есть приятель в кражах, – пояснил Мьёл. – Скажу, что мы постоянно на это дело натываемся, – может, он в курсе. И с сыскником, который дело вёл, поговорю. Так и узнаем, призрак развлекается или нет.

– Ладно, сделаю, – кивнула девушка. – Только давай сначала хотя бы половину чужого из нашего отдела уберём. Да и в тех же кражах надо наши папки поискать – они там часто находятся.

– День только начался, – бодро отозвался колдун. – Заняться пока нечем, а разливать заклятья по склянкам ещё вчера достало.

\*\*\*

Сьят грыз перо и в сотый раз перечитывал вчерашний рассказ.

Так всегда: когда пишешь – душа летит вслед за словом, и всё нравится, и каждая буква на своём месте. А когда спустя хотя бы день читаешь написанное – всё не так: и вот это слово не то, и факты не в том порядке изложены, и дополнений-пояснений не хватает. И вообще... сомнительно как-то дело смотрится. И вот тут выводы за уши притянуты. А понравится ли такое читателям?..

Рыжий частично переписал вчерашний текст уже раз пять и всё равно, в очередной раз перечитывая черновик, находил огрехи. А ведь все думают, что это просто – сел и написал. Хотя написать – да, просто, а вот доработать черновик так, чтобы текст заиграл...

От творческих переживаний отвлекла почта. Съят отложил рассказ, поднял из чёрной воды записку и невольно посмотрел на часы. Семь вечера. Родители в такое время редко пишут, прекрасно зная, что сын или на работе, или у подруги, да к тому же не любит спонтанных чаёв по вечерам. Они давно привыкли с утра о семейных посиделках предупреждать.

Рыжий развернул записку, прочитал, позеленел. И дрожащей рукой быстро-быстро набросал свою.

Ответ в виде грохнувшей двери не заставил себя ждать. Мьёл заглянул в кабинет и с затаённой надеждой спросил:

– Что за срочность?

Съят молча подвинул письмо к краю стола. Колдун плюхнулся в кресло, взял помятый лист и прочитал: «У нас, кажется, убийство. Соседка затащила мастера Зарэ, всего в крови, на наш участок, машет ножом и хохочет. Мы закрылись дома. Что нам делать?»

– Это у твоих, что ли? – встревожился Мьёл.

Рыжий позеленел ещё больше, кивнул и выдавил из себя:

– Сходишь?..

– Уже бегу, – колдун встал и скомандовал: – А ты Лу напиши, пусть своих поднимает. Я соседку под мышку – и сюда, а он с группой пусть на месте всё осмотрит и с твоими родителями поговорит. И давай очухивайся. У тебя что, от крови и трупов только носовые платки?

Съят немедленно полез в нагрудный карман безрукавки, вытащил узкий флакончик с золотистым содержимым, сшиб пробку и выпил зелье. А Мьёл уже был у двери вместе с курткой.

– Ты эту соседку и мастера Зарэ хорошо знаешь? – уточнил он быстро.

– Соседку зовут Ханви, – своим обычным спокойным тоном произнёс Съят, и лишь нервно сжимающие перо пальцы выдавали его пошатнувшееся душевное равновесие. – Отец с Севера, мать южанка, сама родилась в Приграничье, но потом перебралась сюда. Я с её сыном очень дружил. И это у неё я учился писать рассказы – она всегда говорила, что у меня дар. Ханви всю жизнь изучала старые северные языки, древние книги и литературу вообще, работала в словесном училище. А вот мастера Зарэ толком не знаю. Он в прошлом году – не то весной, не то летом – на нашу улицу переехал. Мастер стар, нелюдим и замкнут. Почти год с нами живёт, но до сих пор ни с кем не здоровается, только смотрит с подозрением.

– Ну, держись, друг, – подбодрил Мьёл. – Разберёмся. Пиши Лу, чтобы собирался, и своим, чтобы не боялись. И сам знаешь, куда дальше.

Да. Архивы, регистрация... А ещё писчая работа успокаивала. Съят достал из ящика стола стопку чистой бумаги, чернильные склянки и склянки почты.

Он проучился у Ханви больше десяти лет, но всё ли о ней знал? Тайны есть у всех – и кто знает, что скрывает эта добродушная, улыбчивая и приветливая женщина?

\*\*\*

– Чего ждёшь? – колдун нетерпеливо мялся у двери допросной. – Она неопасна. Я её и в мешок без труда сунул – даже не пыталась сбежать или напасть. А в воду мешка успокоительное подмешал. Не нападёт. А рискнёт – так я рядом.

Съят не ответил. Он мрачно смотрел в окно на свою соседку и сам не понимал, что именно его тревожит. Женщина в допросной действительно смирно сидела на стуле и чему-то тихо улыбалась – всегда с гладкой причёской, ухоженная, аккуратная, сейчас она напоминала сбежавшую из лечебницы безумную. Волосы диким колтуном, исцарапанные руки с обломанными ногтями, строгое клетчатое платье порвано в рукавах и подоле. Мьёл почистил Ханви от

чужой крови – всё до последнего пятнышка на платье вывел, – но Сьят всё равно не решался зайти в допросную.

– Мастер Зарэ мёртв, – напомнил колдун. – Пятнадцать ножевых, из них три в сердце, два в лёгкие, два в печень. Без шансов. Он ещё до моего прихода умер. Правда, то, что убийца – именно она, ещё доказать надо. Убийства вроде никто не видел, только глумление над телом, но Лу опросит свидетелей и всё уточнит. Давай допрашивай, а я потом силу её удара замерю и сделаю слепки работы обеих рук. Нож при ней, кстати говоря, был точно тот. Им убивали. Это я успел проверить.

Рыжий снова слегка позеленел и опять достал зелье, которое специально для него разработал знакомый колдун-лекарь – чтобы не мутило до обморока, нервы успокаивались и голова работала. Выпив лекарство, он вновь внимательно присмотрелся к Ханви, а женщина, словно ощутив чужой взгляд сквозь невидимое окно, повернула голову, убрала за ухо растрёпанные прядки светлых волос и широко улыбнулась.

– Это не она, – наконец понял Сьят.

Звучало дико, но...

– То есть как? – в свою очередь не понял Мьёл. – Твои родители опознали – она. А ты говоришь, нет?

– У Ханви чёрные глаза, – напряжённо пояснил рыжий. – Она наполовину южанка, у неё глаза как у матушки Шанэ – чёрные-чёрные. А у этой женщины глаза голубые. Рост, телосложение, шрам над левой бровью, родинка на подбородке – да, это черты внешности Ханви. А вот глаза... Тебе известно что-нибудь, что меняет цвет глаз – заклятья, зелья, знаки, амулеты?

Колдун подумал и пожал плечами:

– Нет. Для длительной слежки за подозреваемыми и прочих секретных дел есть морочные маски, но они изменяют только оттенок – с голубого на синий, с чёрного на карий или наоборот. Зелёные глаза могут светло-кариими сделать. Но чтобы чёрные стали голубым... Нет.

– Вот и я о том же, – Сьят нахмурился, повернулся и прямо спросил: – А когда в Иххо призрак вселился, её глаза изменились?

– Причём тут... – начал Мьёл и запнулся. На секунду. – Ты что, думаешь, в неё кто-то вселился?

– Ханви всю жизнь проработала в словесном училище, – рыжий не отводил глаз. – Всех наставников, как ты знаешь, лекари постоянно проверяют. Не приведи Лунная, ненормальность проявится – или наследственная, или из-за нервной работы. А вокруг дети. Она на пенсии полгода как. Она на сто раз проверенная. Откуда это безумие? И откуда голубые глаза?

– Менялись, – признал колдун. – Белыми стали.

А женщина в допросной вдруг улыбнулась ещё шире, и её глаза вспыхнули голубым огнём – как у матушки Шанэ в момент общения с призрачными помощниками.

– Я за матушкой, – попытлся Сьят. – Помощники тут тоже могут быть.

– А я останусь, – решил Мьёл. – Кто её знает... Мешок точно набросить успею. А призраки, матушка говорила, если проходят через защиту Сысского ведомства, колдовскую силу теряют. Но ты давай-ка... пошустрее.

\*\*\*

Матушка Шанэ собиралась спать. Хотя нет, на самом деле собиралась она уже второй час и каждые минут десять говорила себе: ещё одну главу – и в постель! Но не выходило. Книга – «Легенды Древнего Севера» – затягивала как в омут, и матушка, едва её что-то отвлекало (сползший плед или выпитый чай), в очередной раз обнаруживала себя на середине новой истории. Конечно, время ещё не позднее, да и душой отдыхать надо – не всё же за призраками бегать...

Чёрная лужа письма появилась прямо в книге – точно на страницы чернил плеснули. Матушка с сожалением положила томик на колени, достала записку, прочитала и быстро

встала. Урчащий под боком кот недовольно зевнул, повернулся и уткнулся мордочкой в угол кресла. А матушка Шанэ поспешила к шкафу.

Неужто опять её землячка, да ещё и с призрачными помощниками?..

Когда Сьят добежал до чайной, матушка уже ждала его на заснеженном крыльце, а её помощники обследовали место убийства и, проскользнув мимо рыжего в открытую дверь, изучали Сыскное ведомство. Призраки-помощники даже без колдовства более чем опасны.

– Сынок, я бы и сама пришла, – мягко укорила она. – Зачем бежал?

– Прогулки полезны для размышлений, – пояснил запыхавшийся рыжий. – Хотел отвлечься. Вечера, матушка. Спасайте. Опять у нас очередная призрачная гнусь. Скажите, если призрак в живого вселяется, цвет глаз может измениться?

– Если призрак сильный, с колдовством, то не только цвет глаз, – ответила матушка Шанэ, спускаясь с крыльца. – И цвет кожи, и цвет волос, и даже голос. Бывало, бледные смуглели, молодые разом седели, а женщины говорили мужским голосом. Но лишь на время. Когда призрак уходил, всё становилось прежним. Ещё, сынок, жесты меняются, походка, привычки. Сильный чужак усыпляет владельца тела и ведёт себя так, как он привык.

– Усыпляет? – переспросил Сьят. – Не убивает?

– Нельзя убивать, – твёрдо сказала матушка. – Умрёт родной дух – быстро умрёт и тело. Чужак может довольно долго жить подселенцем, но только рядом с живой и родной телу душой. Все чужаки, которых я встречала или о которых мне рассказывали в семье, понимали: убивать нельзя. Иначе и суток в мёртвом теле не просидишь.

– А в целом каков срок? – заинтересовался рыжий.

Они дошли до моста. Здесь, на открытом речном пространстве, задувал, поднимая облака снега, ледяной ветер.

– Разный, – матушка Шанэ перехватила капюшон. – Всё зависит от того, с какой целью чужак подселился и как рядом с ним чувствует себя родная телу душа. Иххо, например, сразу так испугалась, что едва не умерла. А я слышала о таких, кто живёт «соседом» и луну, и две, и три. Но они готовились и сразу, едва вселившись, усыпляли душу. Редкость, сынок. Вообще чужаки – огромная редкость. Мало кому это в голову придёт – подселиться к живому. Обычно этим грешили те, кто точно был одной ногой на Причале, но хотел задержаться... чтобы что-то сделать. Сказать. Закончить.

– Посмотрим, кто нам попался, – Сьят открыл торцевую дверку. – Заходите, матушка.

В начальственном кабинете он помог ей снять тяжёлое тёплое пальто, сбросил своё, и они спустились на второй подземный уровень, где находились и допросные, и камеры. И где рядом с настороженным Мьёлом сидел призрачный серый пёс. При виде хозяйки он отрицательно покачал головой.

– В ведомстве чужих призрачных помощников нет, – матушка Шанэ достала из кармана тёмного платья маленькую свечу. – Здравствуй, сынок... Давайте посмотрим на вашу преступницу.

Колдун заметно расслабился, приветственно кивнул, открыл дверь в допросную, с порога что-то проверил и пригласил:

– Входите. Можно.

Ханви, за час не сменившая ни позы, ни выражения лица, вдруг вскинула на матушку Шанэ горящие голубым глаза и грубым мужским голосом проскрипела:

– Не смей, мать. Не трожь свечку. И не гляди глубже, чем теперь. Убью. Клянусь, мать, убью её. И за собой утяну – меня Причал уже ждёт. Ничего не узнаешь. И подставишь. Её. И ты, колдун, не трожь меня. Убью.

– Ты и так её уже подставил, – неожиданно резко сказал Сьят. – Кого в убийстве обвинят? Не тебя, а Ханви. Никто вселившегося чужака в расчёт не возьмёт.

– Согласись, красиво? – ухмыльнулась «Ханви». – Одна тварь убита, вторая убила и будет утоплена. Красиво, а?

– За что? – сухо спросил рыжий. – Мстишь?

– А ты соображаешь, малец, – чужак громко хлопнул ладонями по столу и хрипло рассмеялся.

Сьят сел напротив «соседки» и деловито повторил:

– За что?

«Ханви» зло прищурилась:

– А вот и разберись, коль такой умный. Правду выкопай. Старую. Настоящую. И не смотри, это не овечка белая. Она от нас с Зарэ всё нос воротила – мол, я вон как поднялась, а вы как были бродяги безродные, так бродягами и подохнете. А за чей счёт она, тварь паршивая, поднялась? За счёт Ньёда и Зарэ, да-да! Оборванка же была без роду и племени. Двух слов связать не могла. И вдруг словесность. И дом богатый. Ну, чего не пишешь? Я те всё говорить не буду, не-а. Сам выкопаешь.

Мьёл вдруг сунул руки в карманы штанов и зашуршал записками.

– Банда, – хмыкнул рыжий. – Чем промышляли? Мошенничество, вымогательство, мелкие кражи?

– Ограбления, – подал голос колдун, – богатых домов.

Чужак снова громко хлопнул ладонями по столу:

– Ещё один умник! Откуда знаешь?

Мьёл тщательно разгладил записку и зачитал:

– Около тридцати лет назад в Первый день зимы неизвестные проникли в особняк номер восемь, что на Пятом острове. Хозяев – семьи Ви – дома не было, они уехали в гости к родственникам ещё до Мёртвого времени. Обитатели острова в это время праздновали – карнавалы, маски, настойки. Никто ничего толком не видел, лишь один из соседей Ви, пожилой мастер Батто заметил из окна своего дома четверых нетрезвых молодых людей. Они стояли у ворот особняка и ругались. Мастер приоткрыл окно, прислушался, но разобрал лишь одно имя, которое повторялось громче и чаще других, – Ньёд. По имени его и нашли, но на допросе правда показала, что парень ни при чём. В дом не заходил, чужих вещей не брал.

Ньёд опять хрипло рассмеялся. Голубые глаза довольно заблестели.

– Где ты это взял? – Сьят обернулся.

– Потом расскажу, – колдун свернул записку и прищурился на чужака. – Брать-то не брал, но настороже стоял? Пока дружки что-то в особняке искали, да так и не нашли? Или всё-таки нашли?

– А вот это вам, умники, узнавать, – усмехнулся чужак и сложил руки на груди. – Я и так много наболтал. Найдёте свою правду, сравним с моей... а там и видно будет, куда дальше поплывём. Задача ясна, не? А меня в камеру давайте. И не трожьте, пока всё не выкопаете. Я всё сказал.

– Погодите, проверю кое-что, – с рук Мьёла сорвались чёрные ручейки. – Не по вашей части и для дела.

Ньёд даже возмутиться не успел, а ручки уже юрко изучили тело Ханви – ладони, предплечья, плечи, торс – и скользнули обратно. Свились на ладони колдуна в водяной клубок и зачали чёрным.

– Не врёт, – мрачно признал Мьёл. – Он убил мастера Зарэ. Вернее, руки Ханви все удары нанесли.

Чужак победно ухмыльнулся, встал и велел:

– В камеру меня давай, малец. А ты, мать, – голубые глаза прищурились на матушку Шанэ, – объясни этим умникам, что у них очень мало времени. Причал зовёт, а Лодочник нетерпелив к тем, кому не за что держаться. Но уйду я или с правдой, или с подружкой. Кото-

рую после так ославят на всё Семиречье... А уж её семейке каково после будет... Очень удобно, что на Севере не верят в призраков, а?

\*\*\*

– Давайте по очереди, – хмуро предложил Сьят, когда все собрались на совещание в кабинете начальника. – Матушка, начнём с вас. Время позднее.

– Выгоняешь? – лукаво улыбнулась она, разливая по чашкам свежий чай.

– Ни в коем случае, – заверил рыжий. – Хотите – оставайтесь до конца совещания. Вы же давно часть нашей команды.

– Спасибо, сынок, – матушка Шанэ поставила чайник на стол и села в кресло. – Чужак – точно убитый, но это ты, поди, тоже понял. Я немного успела заметить, но думается, смерть свежая. Недавно его убили. Силы в нём слишком мало. Неделью назад умер, не больше. Могу тело поискать, но не уверена, что получится. Связи души и тела разрушаются быстро, даже если дух ещё здесь. Больше, к сожалению, ничем не помогу.

– Поищите, – кивнул Сьят и посмотрел на колдуна, который, как обычно, стоял у окна, привалившись к подоконнику. – Так откуда данные об ограблении?

– Не поверишь, – усмехнулся Мьёл. – Иххо нашла. С утра она объявила, что в нашем архиве живёт призрак, и показала папку именно с этим делом об ограблении особняка как доказательство. Якобы оно уже несколько недель появляется каждый день в одном и том же месте. Иххо днём возвращает папку в отдел краж, а с утра дело опять у нас. Она проверила – его как нарочно кто-то на видное место подкладывал. Я попросил у Иххо выписку, чтобы узнать у приятеля, кто из отдела краж так развлекается, и в обед она мне её составила. Кто бы знал, что это дело так быстро пригодится.

– Призрак? – заинтересовалась матушка. – А можно поподробней и... – она заметила строгий взгляд Сьята и виновато улыбнулась: – Ой, извини, сынок. Не время сейчас. Потом-потом.

– Вот дело, – колдун положил на стол зелёную папку. – Вот выписка, – на папку легла помятая записка.

– Может, это и призрак, – задумался рыжий. – Или всё проще: кто-то из отдела краж раскопал дополнительные сведения и занялся своим расследованием. А папку прячет у нас, чтобы кто-нибудь другой от скуки не заинтересовался. Да, матушка, потом архивные призраки. Что ещё по делу скажешь?

– На месте убийства не оглядывался, – Мьёл вернулся к подоконнику. – Убийцу в мешок, тело осмотрел, время смерти записал, а потом слепок с трупа в склянку – и в ведомство. Силу удара при тебе замерял – она убивала. Могу показать на слепках трупа и Ханви.

– Не надо, верю, – поспешно отказался Сьят и посмотрел на последнего участника совещания: – Лу, что у вас?

Загорелый сыскник, чьё имя могли произнести (и запомнить) только его родители-языковеды, открыл папку и скривился:

– Шесть-семь часов вечера зимой – самое поганое время. Все уже или вернулись с работы и ужинают, или ушли на работу в ночную смену. Как водится, никто ничего не видел, никто ничего не знает. Твои, Сьят, тоже ужинали, когда шум во дворе случайно слышали. В общем, так дело было...

\*\*\*

Оба почтенных родителя Сьята, Бьён и Адья, работали в главной городской библиотеке, очень любили читать, всюду ходили с книгами и были крайне рассеянными. И когда у согревающих заклятий внезапно кончился срок годности (а вообще-то все бытовые заклятья необходимо обновлять в начале каждой зимы – туманы Мёртвого времени высасывают из них почти всё колдовство), родители спохватились, но поздно – дом уже совершенно остыл. Второпях они перестарались, заклятий использовали больше нужного, и дом к вечеру прогрелся до дикой



жары и духоты. Они повсюду открыли окна и лишь потому-то и слышали – тихий-тихий смех с улицы.

Родители отвлеклись от ужина, выглянули в окно и не поверили своим глазам: кто-то протаскивал что-то тёмное через незапертую (конечно же, снова по рассеянности) калитку, бросил свою ношу в десяти шагах от дома и снова засмеялся – страшно, безумно. Соседку они опознали не сразу, лишь когда Ханви выпрямилась и потёрла спину.

– Это же Ханви... – Адьа, чья мать была портнихой, очень любила хорошо одеваться и всегда замечала, как одеваются другие. – Другого такого пальто нет во всём Семиречье, она же его у мамы шила...

– Срочно запираемся, – Бьён, несмотря на библиотечарскую рассеянность, соображал всегда отменно и с мыслями собирался быстро. – Ты – окна левого крыла, я – окна правого и входную дверь. Потом – наверх. Бегом, дорогая.

Когда спустя полчаса они вновь собрались, предварительно потушив во всём доме свет, у кухонного окна, сцена в саду не изменилась. Серебристый свет уличных фонарей. Чёрное нечто. Глубокая грязная борозда на свежем снегу. Хихикающая соседка – неопрятная, с дикими глазами, в расстёгнутом, несмотря на сырой морозец, пальто. Хотя нет, нож появился – в руке Ханви.

– Это что, труп? – выглядывая из-за занавески, с ужасом прошептала Адьа.

– Боюсь, что да, – мрачно ответил Бьён, шурясь. – И боюсь, это мастер Зарэ.

– Почему? – удивилась жена.

– Ханви его ножом размахивает, – напряжённо пояснил муж. – Никогда не видела нашего старого мастера с ножом? Явно Зарэ чем-то нехорошим прежде зарабатывал. Помнится, я как-то летом домой шёл, а Зарэ – мне навстречу. Идёт, в землю смотрит, никого не видит и ножом поигрывает: подбросит – поймает – подбросит – поймает... Или военный, или грабитель, или артист. Я поздоровался, поинтересовался, откуда навыки, а потом вытаскивал этот самый нож из своей сумки. Зарэ его так ловко метнул, предупреждая... Нож я тогда хорошо рассмотрел.

– И сейчас она его будто показывает – прямо под свет подставляет... – Адьа удивлённо посмотрела на супруга: – Я точно узнаю пальто, ты – нож...

– Я пишу сыну, – подытожил глава семьи.

\*\*\*

– Мастера Зарэ так и опознали – по ножу? – строго спросил Сьят.

Лу посмотрел на часы и признал:

– Пока только по ножу. У трупа всё лицо искромсано так, что мать родная не узнает, а иных деталей пока нет. Соседей опросили, но те его раз в луну видели и никаких приметных родин под коленками, конечно, не заметили. Но внешне дом мастера пуст. Мой колдун, как с телом закончит, обещал сделать портрет для опознания. Видимо, ещё возится.

– Пойду помогу, – Мьёл стянул с вешалки куртку. – Я же тебе не нужен?

– Иди, – кивнул Сьят и выразительно посмотрел на матушку Шанэ: – Мастер же убитый. По вашей части. Займётесь?

– Я зажгла свечу перед уходом, – улыбнулась матушка и тоже глянула на часы. – Моё колдовство и власть над духами убитых усиливаются после полуночи. Через час вернусь в чайную и проверю, в клетке ли птичка. Пока его незачем пугать. Сразу после смерти духи часто боязливые, молчаливые. Подождём ещё немного. Если он придёт в чайную, обратно ему уже не выйти без моего согласия. А если не придёт, то попробую притянуть дух позже – после полуночи я сильнее.

– Спасибо, – поблагодарил рыжий. – Лу, что ещё?

Лу вытащил из папки стопку записок, бегло их просмотрел и сообщил:

– Думаю, Ханви убила мастера возле дома твоих родителей, но точнее узнаем, когда ты дело заведёшь. Без него, сам знаешь, ни в один дом не попасть и обыски не провести. Однако

кровь есть лишь у калитки и дальше, в саду. А где именно они встретились и откуда пришли, непонятно. Дорожка сильно истоптана местными, а свежего снега не было несколько дней.

– Что же связывает этих двоих? – пробормотал Сьят, открывая папку с делом об ограблении.

– Вместе их никогда не видели, – ответил Лу, снова сверившись с очередной запиской. – Мастер Зарэ вообще ни с кем не общался и даже не здоровался. У Ханви всегда было много гостей, но все люди приличные. Но это ты и сам знаешь.

Матушка же, пока сыскники обсуждали своё, сидела в кресле – расслабленно, точно дремала. А на самом деле смотрела глазами помощников, которые без усталости рыскали по заснеженным улицам. У призраков тоже есть свой запах, и по нему можно найти тело, если смерть свежая. Надэ до прихода матушки Шанэ всё в тюрьме обнюхал, уловил нужное и «передал» запах остальным призрачным помощникам. Как по следу по нему, к сожалению, не пойти, но если рядом окажутся (и если связи души и тела ещё целы), учуют. Вероятность крайне мала, но есть.

– А история у нас такая, – Сьят, пролистав дело, коротко рассказал Лу про чужака и связь странной троицы со старым ограблением.

После истории с Фьёшем-Занозой и лекций наставника Мьёла о прошлом Севера Лу в призраков немного верил, да и Сьята как сыскника очень уважал, поэтому сразу принял случившееся как данность. И архивного призрака – тоже.

– В деле говорится о четвёрке гуляк, – попытожил рыжий. – Трое, кажется, есть. Надо найти четвёртого. Если эти четверо как грабители больше нигде замечены не были, то остаётся одно – свидетели того самого ограбления. А лучше найти свидетелей именно ссоры.

– Тридцать лет прошло, – нахмурился Лу. – Свидетель-старик, поди, давно умер. А пострадавшие вряд ли признаются, раз тогда не сказали.

– А надо не среди взрослых искать, – Сьят, подумав, что-то черкнул на чистом листе, – а среди детей. Помнишь себя мелким? Всегда же нас, маленьких, родители в Первый день зимы дома оставляли и гулять уходили. А мы сидели у окна и ждали. Или по двору полночи носились, если деды-бабушки-няньки позволяли. И никто никогда не признается, что именно видел или слышал, чтобы никого не сдать. Да и не считаются дети серьёзными свидетелями. Их редко опрашивают. Возьмёмся?

– Конечно, – легко согласился Лу.

Рыжий встал и протянул ему записку:

– Вот содержание выписки, адрес и вопросы. Не зря нам в архиве это дело подкинули. Надо в нём покопаться, – он сердито глянул на часы и добавил: – И снова Мьёла на Городской архив и регистрацию спустить, чтобы не искали одну справку три часа. Думают, если мастер Рьен в отпуске, то у нас нет ничего важного?

– Давай и в регистрацию зайду, – предложил Лу и расправил широкие плечи. – Мне по дороге. Меня они тоже боятся. Мой прежний колдун им как-то хорошую выволочку устроил. Мы важную справку ждали, а эти олухи два часа чай гоняли. Мой колдун пришёл – а они ржут и пироги трескают. Ну он всем и напощал. И я потом добавил. Ты домой не собираешься?

– Нет, – рыжий придвинул к себе стопку чистых листов, – мне ночью хорошо работается.

– Тогда дождусь в регистрации портрета убитого от наших колдунов и все необходимые справки, – решил Лу. – Посмотрю, что за народ нам попался, а после и в Городском архиве дежурных трягну.

Сыскники из других групп крайне редко расследовали интересные случаи, и поучаствовать в делах группы Рьена втайне мечтали все. Поэтому, несмотря на близкую полночь, Лу лучился энергией и тоже собирался как следует поработать.

Сьят быстро набросал для него список необходимых документов, поблагодарил сыскника за помощь и тоже собрался в архив – но в местный, сыскной. Без особых надежд – ведь если бы

кто-то из подозрительной четвёрки грабителей попался, сейчас бы они на свободе не гуляли, – но всё-таки. Может, их как свидетелей где-нибудь упоминали. И эти мелкие упоминания помогут понять, чем же всё-таки Ньёд, Зарэ, Ханви и один (как минимум) неизвестный в молодости промышляли.

– И я пойду, – матушка Шанэ открыла глаза, в которых сразу же погасло призрачное сияние. – Если что-то найду или узнаю, пришлю помощника.

– Матушка, как вы считаете, в каком случае обворованные ни за что не признают, что у них что-то украли? – спросил Сьят, помогая ей надеть пальто.

– А кто сыскников вызвал? – уточнила матушка. – Хозяева или соседи?

– Соседи. Заметили, что ворота и дверь дома открыты. Хозяева приехали через день после несостоявшейся кражи.

– В таком случае, сынок, – она сняла с вешалки тёплый платок, – должно быть, у хозяев или действительно не нашлось нужного – например, воры по неопытности домом ошиблись либо хозяева с собой вещь увозили, – или украли ворованное. То, что хозяева особняка сами заполучили не слишком-то честным путём.

– Я тоже так подумал, – кивнул Сьят. – И ещё есть вариант запрещённого. Что они либо сами делали, либо продавали как посредники.

– Ты умничка, ты разберёшься, – улыбнулась матушка Шанэ. – Доброй ночи.

– Я умничка... – вздохнул рыжий, когда она ушла. – Я обязательно разберусь... Старое ограбление, свежее убийство и один призрак-чужак – в чём тут разбираться-то...

Он быстро набросал несколько записок, отправил почту и засобирился в сыскной архив.

\*\*\*

– Ты тут что, два часа в бумажках копаешься? – рассердился Мьёл, вынырнув из протоки.

Мертвецкая занимала половину полуподвала и представляла собой длинный широкий коридор с многочисленными нишами. Старая кладка стен сочилась ледяной сыростью, а под высоким потолком плавали мрачные зеленоватые светильники. Арочные проёмы ниш, в которых хранили и изучали трупы, закрывали плотные тёмные шторы, а между нишами стояли рабочие столы и стулья.

Над одним из столов парил вполне сносный слепок с лица покойного мастера Зарэ, но создавший его Вьют, молодой колдун из группы Лу, отчего-то не спешил высылать склянку со слепком начальству. Вместо этого он сидел за столом и что-то вдумчиво изучал.

Услышав окрик, парень вздрогнул и торопливо вскочил со стула. Светловолосый, двадцатилетний, он присоединился к группе Лу совсем недавно и ужасно робел перед опытными сысканиками.

– Тут такое дело... – смутился Вьют. – Я тут нарисовал... Вы посмотрите. Это на лице убитого было.

Мьёл взял со стола листы и удивлённо хмыкнул. Лицо покойника, оказывается, искромсали со смыслом – лоб, щёки и подбородок «украшали» рваные линии.

– И ты что, пытался сам понять, что это? – Мьёл приподнял бровь. – А ничего, что твоего отчёта ждут уже два часа? Ничего, что нам срочно надо подтвердить личность убитого? Ничего, что дело стоит?

Вьют смутился пуще прежнего.

Мьёл молча сделал ещё несколько слепков с лица убитого, дополнил записи Вьута несколькими замечаниями, снова сделал несколько слепков – с листов, а потом всё свободное пространство стола превратил в большую чёрную лужу. Куда и полетели комплекты «лицо плюс записи» – и дальше, по двум направлениям, Сьяту и Лу. И отдельная склянка со слепком лица и пометкой «Срочно!» – в регистрацию.

– Вот это, – Мьёл отряхнул руки, – ты должен был сделать *сразу*. Понял? Сразу! Захочешь выслужиться и подумать за начальство – быстро потеряешь работу или останешься тут

дежурным. Запомни: мы, колдуны, думаем или когда начальство спрашивает, или когда больше заняться нечем. Нам платят за то, что мы делаем – и делаем очень быстро и качественно. Сделал – отправил – и думай, сколько влезет. Хочешь себя проявить – показывай свою сильную сторону. А у нас это колдовство. И если тебя это обижает, меняй работу, пока никого не подставил. Понял?

Парень пристыжённо кивнул.

– А это, – Мьёл указал на записи, – воровские метки. Воры такими помечают дома или ворота в неприметном месте и показывают своим, что место занято. Или уже обчищено. Я до отдела убийств почти год в кражах работал. Встречал такие.

– Точно... – пробормотал Вьют.

– Кстати, про «качественно», – Мьёл обогнул стол и отдёрнул штору. – А ну пошли, повторно труп осмотрим. И не дуйся. Я тоже, когда меня до первого убитого допустили, думал, что всё знаю и сразу всё найду. А пару лет назад понял, что до сих пор учусь.

– А потом? – осторожно спросил парень. – По домам?

– По каким домам? – фыркнул Мьёл. – Ночь только началась. Потом точно на обыски пошлют. Да, именно ночью. Потому что Съят дело заводить не будет. У своего начальника спросишь, почему.

\*\*\*

В прихожей чайной стояла сонная тишина, а за дальним столиком одиноко горела голубым пламенем колдовская свеча. Матушка Шанэ зажгла светильник, заперла дверь, стянула с головы платок, сняла пальто и снова прислушалась – но не к тишине, а к себе, к своим ощущениям. А оные указывали, что огонёк матушка зажгла не зря – нет, не зря.

– Ты здесь, – прошептала она, щурясь на свечу. – Но очень слаб. Слабее северных мёртвых, ибо слишком давно от родных песков оторван. И даже щепоти с собой не носил. Ты пока невидим и не можешь говорить, а силу не примешь, да? Гордый. Страшно. Но ничего, чайная тебя напитает. А я подожду.

Матушка Шанэ вынесла из тайного коридора поднос, наполнила «призрачную» кружку чаем, красиво разложила по тарелкам печенье. Сходила к себе наверх за книгой и шалью, вернулась и устроилась за столиком с чашкой чая и «Легендами Древнего Севера».

Некоторых призраков лучше не торопить. Как бы ни пугал всех чужак, в теле несчастной женщины он способен долго продержаться без ущерба для неё. А вот грубое вмешательство в очень слабую душу, которая совсем недавно покинула тело, может нанести большой вред – вызвать шок и помешательство. Иногда тихое, но чаще буйное.

Нет уж, лучше потерпеть до утра и узнать всё, нежели поторопиться и не узнать вообще ничего.

От светильника и сквозняков на стенах дрожали тени. Из-за приоткрытых штор на пол лился снежно-белый свет. Мелодично тикали часы. И вился над чашкой терпеливый пряный дымок – матушка Шанэ, закутавшись в шаль, снова погрузилась в книгу и так увлечённо листала страницу за страницей, что забыла про чай. Как и про призрака.

Он бесшумно вышел из-за шторы – невысокий, сухощавый, в надвинутом на лицо капюшоне и со слабым голубым свечением. Сел за стол напротив матушки и долго пил чай, набираясь сил. Колдовской чай, едва закончившись, снова наполнял кружку, и призрака это устраивало – он вспоминал прошлое и обдумывал предстоящий разговор.

У матушки затекла спина. Шевельнувшись и поёрзав, она подняла взгляд от книги, заметила призрачную фигуру и удивлённо улыбнулась:

– Ты уже здесь? Какой шустрый! Зарэ, верно?

– Нет, мать, – прошелестел призрак. – Но тоже твой земляк. Всё расскажу. Всю правду. Только пообещай сначала.

– Что именно? – с готовностью спросила матушка Шанэ, закрывая книгу.

– Отвези меня домой, – попросил он. – На Юг. Прах к пескам. Не хочу здесь лежать. Холодно и сыро – никогда Север не любил. Отвези домой. И меня, и Зарэ. Всё взамен расскажу. Ничего не утаю.

– Так Зарэ тоже мёртв... – нахмурилась матушка. – А где он лежит, знаешь? Да? А в сыскной мертвецкой, выходит, ты вместо него? Хорошо, дружок. Обещаю.

– Тогда слушай, – призрак сильно сжал чашку скрюченными пальцами. – И верь, мать. Ни словом не совру, клянусь.

\*\*\*

Звать меня Ивлэ. Родители мои на Юге... оступились, потому на Север и рванули. Спрятались. Меня родили. Но одного за другим прибрала их местная сырость, и я, десяти лет от роду, один остался. По соседству с нами тоже южане жили, а мы своих не бросаем – так они меня и подобрали, и при себе оставили. Но семья, мать, была большая. Жрать вечно нечего. Вещи старые. Сапоги дырявые. Так и затянула меня тёмная тропка – сначала яблоко стащить, потом шапку, а там и до кошельков руки дошли.

Долгое время мне везло, пока я не залез в карман к вору поудачливей. Так я познакомился с Ньёдом. Он вообще, мать, не из бедных. Потому я вора в нём и не признал. А воровал он от скуки. Стало быть, развлекался так. Отца из его семьи увела в путь река Кипучая – он его раз в пять лет видел, мать вскорости другого себе нашла, а Ньёда приютил бездетный и обеспеченный дядя. Всё обещал ему оставить, если за ум возьмётся, но скитаться и воровать Ньёду нравилось больше. Тож, понимаешь, Кипучая в душе бурлила. А дядя сильно болел, весь в себе был. Увидит племяша поутру в приличной одежде – всё, значит, путём.

Так уж получилось, что задружили мы. Раз вместе на дело, два... А потом он предложил уже не карманы, а дом, и понадобился третий. Так к нам прибился Зарэ – он был из детей моих приёмных родителей. Хваткий, бесстрашный, дурной – как есть дурной, мать. Дурнее я не видывал. Ничего не боялся. А с ножом что творил... Но так и не признался, кто научил.

Ханви – хотя, мать, другое у неё имя, это она себе потом купила, когда завязала, – прибилась к нам сама. Умная девка, хитрая. Её мать продавала себя направо и налево, а девчонка болталась без дела. Так нас и заметила. Смекнула, что к чему, отловила как-то Ньёда и попросилась в шайку. Я, говорит, вам такие кошельки приводить буду... Моё дело – завлечь и ополить, ваше – в указанной подворотне обогнать. А по молодости она видная была – высокая, черноглазая, смазливая. Уговорила, короче.

Вчетвером мы много чего творили и, мать, ни разу не попались. Как Ханви объявилась, так Ньёд очень внимательным стал – мы не работали подолгу на одном острове, часто за черту Семиречья на дело выбирались. И никогда не брались за богатеев. Нам-то троим что нужно было? Пожрать да новые сапоги. Мы и чистили почти всегда лавки, да чайные, да склады. И редко, когда они Ньёду надоедали, мелкий домишко. Ну и Ханви свои «кошельки» приводила.

А потом она же толкнула нас на то самое дело...

\*\*\*

Сыскной архив Сьят знал лучше любого старожилы – причём весь архив, потому как для разнообразия и о кражах с похищениями рассказы писал. Он быстро добрался до нужной комнаты с кражами тридцатилетней давности, и тут его настигло первое письмо – от Мьёла, со слепком лица убитого и описанием воровских меток на оном. А следом письма посыпались одно за другим – из регистрации, от Лу, из Городского архива, снова от Мьёла...

Сьят всё же успел просмотреть старые дела, понял, что шайка была или невероятно осторожна, или никогда не шла на серьёзные дела, и занялся письмами. И размышлениями.

Для начала убитый был не мастером Зарэ, но тоже пожилым южным мужчиной примерно того же возраста, а звали его Ивлэ. С мастером Зарэ, гордо сообщала регистрация, их связывала одна приёмная семья. Она же утверждала, что оба мужчины до недавнего времени числились бродягами и проживали в одном и том же приюте для бездомных «Старый причал», однако с

год назад оба купили по небольшому домику и переехали по таким-то адресам. Работали оба в разных амулетных лавках, соответственно, по таким-то адресам. Причём оба как колдуны не регистрировались, даже как слабые.

Следом пришло настораживающее письмо от Лу. В регистрации он лично просмотрел дела известной троицы (дело Ньёда ещё не нашли, но обязательно отчитаются) и заметил, что Ханви зарегистрировала всего одна служащая, а это против правил. Заверять личность должны минимум трое. Плюс в её деле ничего нет о родителях и иных родственниках – ни слова: ни имён, ни адресов. То есть личность и имя Ханви определённо поддельные.

Следом отчитался Городской архив. Прислал ворох заметок о наградах Ханви и её заслугах перед городом, о веренице благодарных учеников и прочая, и прочая. Заодно предоставил заметку об Ивлэ: оказывается, убитый засветился в прессе, сумев восстановить древний и давно не работавший исцеляющий амулет, который лечил в три раза быстрее обычных, а на его основе создал новый и с теми же свойствами. Случилось это год с лишним назад (и вот откуда, подумал Сьят, у бродяги взялись деньги на дом).

А через полчаса написал Мьёл: мастер Зарэ отсутствует недели три – согревающие заклятья давно выдохлись, дом остыл, сад и крыльцо в снегу. Больше ничего интересного нет ни в доме, ни в саду. Дальше они с колдуном Лу («взял с собой, чтобы без дела не скучал и обучался») осмотрят дом Ханви – тихо и осторожно, следов не оставят, беспокоиться не надо. Не впервой.

Потом отчиталась регистрация – нашлось дело Ньёда. Пропавший оказался мужик. С детства бродяжничал и пару раз был пойман по мелочи на кражах еды. К юности вроде за ум взялся, даже школу худо-бедно окончил. Но потом получил наследство от дяди, промотал его в пять лет и снова оказался на улице. Имел крохотную комнатёнку в унылом гостевом доме на окраине Семиречья, однако был на все руки мастер, и к нему толпами шли чинить то, что ремонту не подлежало, – старинные часы, амулеты, артефакты. Всё после него работало – и все деньги Ньёд быстро и исправно проматывал.

Сьят сложил письма в папку, качнулся на стуле и задумался. А ведь Ханви тоже артефакты создавала и восстанавливала. Её сын ещё по малолетству разболтал, что словесность – не единственное увлечение матери. Она любит работать со старинными книгами, и ей везли их отовсюду. Причём приносили рассыпающиеся в прах листы с полустёртыми чернилами, а уносили книги в отличном состоянии, годные для чтения и не нуждающиеся в поддерживающем колдовстве. А в деле Ханви не было ни слова, что она колдунья.

У всей четвёрки – способность к колдовству... Слабая (внезапная?), но явная. И это, кажется, ниточка – показался из клубка хвостик...

А ещё через час, когда Сьят уже начал клевать носом над письмами и папками, Мьёл прислал ошеломляющее: дом Ханви неинтересен, зато в её саду, в дальних углах, закопано два трупа разной степени «свежести». Первый – пожилой северный мужчина, недельной давности смерть. Второй – пожилой южный мужчина, мёртв недели три. Оба без признаков насилия, но так странно скрючены, что, скорее всего, отравлены. А главное, могилы явно копал колдун – обе очень глубокие и одинаковых размеров. Ну и какие-то капли-следы он тоже заметил.

Ньёд и Зарэ?..

«Одна тварь убита, вторая убила и будет утоплена», – довольно заявил чужак.

Значит, Ньёд уверен, что его убили Ханви и Ивлэ. И таким изощрённым способом отомстил обоим. Но зачем тогда потребовал от сыскников правды? Чтобы они нашли трупы, доказательства виновности Ханви в двух убийствах и установили их мотивы? И доказательств, конечно, более чем достаточно: скрытые могилы, нож Зарэ... А если Мьёл по каплям-следам с могил сумеет выйти на колдуна, который прятал тела... Тогда вообще всё.

Или нет?

Нет, прежде надо всё-таки понять, что именно стащили (или за чем именно охотились) четверо молодых воров. Что мелким и осторожным (скорее всего) карманникам понадобилось в том особняке номер восемь на Пятом острове. И из-за чего они так ругались, что всплыло (очень кстати) имя Ньёда.

А ещё необходимо установить точные даты смерти обоих найденных в саду.

Ханви любила поездки – даже на соседний остров уехать и переночевать в гостевом доме ей было в радость. Она жила одна (с мужем разошлась, а дети выросли), и ей не хватало впечатлений. А кто, пока она в отъезде, присмотрит за огромной библиотекой, полной редких и дорогих книг? Только защита – и на особняке, и на ограде, и на воротах, и где-нибудь ещё. Чужаку даже в сад просто так не попасть. Да, любую защиту можно взломать – но лишь в отсутствие обитателей дома. А Ханви, насколько помнил Сьят, всегда, уезжая даже на два-три дня, отпускала прислугу – по причине крайней прижимистости. Зачем платить людям за те дни, когда они ничего не делают?

Сьят не особо понимал в колдовстве и защите, но на всякий случай попросил Мьёла проверить заклатья на ограде и воротах. Во-первых, были ли они взломаны и восстановлены, а если да, то сколько раз. Во-вторых, колдуны спокойно проникли и в сад, и в дом, то есть сейчас защита отсутствовала, и её надо вернуть – в доме много редкостей. А в-третьих, он предложил колдунам дожидаться служанок и узнать, в какие дни хозяйка отсутствовала. Заодно и мертвецов изучить – установить время смерти. И после опроса прислуги (которая, конечно же, придёт) станет понятно, в отсутствие Ханви убили обоих или нет. Конечно, хозяйка могла отпустить слуг, чтобы обойтись без свидетелей и создать видимость своего отсутствия... но даты поездок и у лодочников уточнить несложно. Ханви – личность известная.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.